

ГЛАВА XXI.

а башнѣ стояла княгиня, зорко слѣдя за всѣмъ происходившимъ въ окрестности... Это было въ тотъ самый вечеръ, когда огни зажглись на холмахъ... Солнце ужъ сѣло, оставивъ на небѣ красное зарево... Лѣса и долины уснули.

Князь находился тутъ же: разсѣянно смотрѣлъ онъ на часовыхъ стоящихъ на насыпи, на городъ, расположившійся у подошвы башни, на смердовъ, обучающихъ княжескую дружину, на озеро, отражавшее зарево... Кругомъ было тихо...

Рядомъ съ княжеской четой виднѣлись два молодыхъ парня, почти одинаковаго роста; достаточно было на нихъ взглянуть, чтобъ убѣдиться, что это пришельцы изъ чужой страны. Тончайшаго сукна одежда, тяжелые, кожаные сапоги, длинные мечи—все обличало иноземное происхождение. Они были очень молоды, но молодость страннымъ огнемъ горѣла у нихъ въ глазахъ: свирѣпыми, дикими, казались они. Сейчасъ же замѣтно было воиновъ, но воиновъ хищныхъ, исключительно алчущихъ добычи.

Прибыли они сюда раннимъ утромъ, какъ разъ въ то время, когда княжескіе слуги закладывали ворота бревнами и камнями. Сперва не хотѣли ихъ и впускать. Но когда старшій Смердъ вышелъ къ нимъ и началъ внимательно всматриваться въ неожиданныхъ гостей, то вдругъ просіялъ отъ радости. Онъ поспѣшно повелъ ихъ въ свѣтлицу. Князь, какъ всегда, лежалъ на скамѣ; всю ночь, на пролетъ, ни на минуту, не могъ онъ заснуть. Все видѣнное и слышанное имъ у Пяста тревожило его не на шутку. Князь нехотя приподнялся, что-то ворча себѣ подъ носъ; парни упали къ ногамъ отца; тотъ испугался, всплеснулъ руками...

— Кто васъ прислалъ сюда!.. Въ такой часъ? воскликнулъ онъ.

Они не успѣли еще отвѣтить, какъ дверь широко распахнулась и въ свѣтлицу вбѣжала княгиня... Она плакала отъ избытка чувствъ...

— Дѣти, дѣти мои! Зачѣмъ вы сюда прибыли!..

Сыновья въ недоумѣніи переглянулись.

— Скучно стало намъ жить безъ васъ—проговорилъ, наконецъ, старшій:—дѣдъ отпустилъ насъ, мы сѣли на лошадей и, не останавливаясь ни днемъ, ни ночью, по дебрямъ, лугамъ и окольнымъ дорогамъ, добрались сюда, чтобы пасть къ вашимъ ногамъ...

— А здѣсь война!—вскричала княгиня.—О! дѣти мои, что теперь будетъ съ вами... Хотя вы бы остались живы!.. Народъ возсталъ... Буря близится... Такъ горевала княгиня; Хвостекъ ворчалъ:

— Не посмѣютъ!.. Пошумятъ, покричатъ, да ко мнѣ жъ и придутъ—ну, и будетъ согласіе!.. А потомъ тѣхъ, что первые подняли шумъ... Хвостекъ выразительно указалъ на деревья, прибавивъ:

— На дубы!

Въ княжескихъ хоромахъ веселье мѣшалось съ печалью. Всѣ ежеминутно опасались нападенія. Едва у кого на губахъ появлялась улыбка, какъ страхъ мгновенно сгонялъ ее прочь. Слуги, посланные разузнать, что дѣлается за стѣнами замка, понурые возвращались къ своему господину.

— Что новаго?—спрашиваетъ Хвостекъ.

— Что видѣли?—обращалась княгиня.

Смерды неизмѣнно каждый разъ отвѣчали:

— Только и слышимъ однѣ угрозы... Всюду къ войнѣ готовятся. Собираются кметы, совѣщаются, а Мышки бѣгаютъ отъ одной хижины къ другой...

Около полудня вернулся другой посланецъ и повторилъ тоже самое; вернувшійся вечеромъ объявилъ, что ночью зажгутъ огни на холмахъ. Хвостекъ взбѣсился и принесшаго эту вѣсть велѣлъ бросить въ темницу.

— Вретъ онъ, кметы его подкупили... Не посмѣютъ они огнемъ зажечь... а сдѣлаютъ это—велю и я разложить на башнѣ костеръ, потому я ихъ не боюсь!

Княгиня упала къ ногамъ своего мужа.

— Господинъ мой, князь милостивый!—умоляла она. Отошли дѣтей назадъ, пусть уѣзжаютъ... Дать имъ лодку... Пусть уходятъ скорѣе... Пусть ѣдутъ къ дѣду... Кто знаетъ, что здѣсь случится!..

Рыдая она молила князя. Хвостекъ хмурился. Отъѣздъ сыновей отложили до вечера.

Всѣ стояли на башнѣ и ждали минуты, когда окрестность озарится зловѣщими огнями. Хвостковы сыновья, между тѣмъ, шептались.

— Пусть будетъ война!—промолвилъ одинъ изъ нихъ. Попросимъ отца и мать, они насъ оставятъ и досыта напьемся мы крови кметовъ... Мы имъ покажемъ, какъ у саксонцевъ сражаться умѣютъ!

Мракъ между тѣмъ все гуще окутывалъ окрестные лѣсъ и озеро. Хвостекъ повторялъ безпрестанно:

— Плюгавая чернь!.. Не посмѣютъ!..

Вдругъ вспыхнуло небо: на немъ показалось словно кровавое пятно... Вскорѣ оно исчезло... Взамѣнъ показался столбъ красного дыма, а вскорѣ и желтое пламя высоко запылало. То кметы зажгли свой первый костеръ...

Княгиня вздрогнула и закрыла глаза руками.

— Это просто пастушескій костеръ—сказалъ князь засмѣявшись.

Но сыновья въ ту же минуту крикнули:

— О! еще одинъ, другой, третій...

На холмахъ и пригоркамъ одинъ за другимъ появлялись огни; красное зарево охватило все небо. Окрестность казалась залитою огнями. Хвостекъ сердито приказалъ:

— Зажечь костеръ! Пусть знаютъ, что я ихъ не испугался...

На вершинѣ башни лежала заранѣе приготовленная куча лучинъ и сухаго дерева; слуги ее подпалили. Хвостекъ улыбался. Княгиня молчала; потомъ сдѣлавъ рукою знакъ сыновьямъ, она начала спускаться внизъ. Тѣ слѣдовали за нею.

Хвостекъ еще разъ бросилъ взглядъ на окрестность, плюнулъ съ башни словно бы на весь міръ и тоже началъ спускаться.

Въ избѣ Брунгильды прохаживалась большими шагами взадъ и впередъ.

— Дѣти не могутъ, не должны оставаться здѣсь...—говорила она.

Хвостекъ какъ разъ въ это время входилъ въ избу.

— Отчего бъ имъ и не остаться?—спросилъ онъ.—Хочется развѣ тебѣ, чтобъ попали они въ руки проклятой черни, убили чтобъ ихъ? Нѣтъ, они здѣсь болѣе безопасны, чѣмъ за стѣнами замка!

Сыновья припали къ материнскимъ ногамъ, прося позволенія остаться.

Разсердившись, княгиня топнула ногою.

— Нѣтъ—сказала она:—нѣтъ; еще сегодня спрашивала я у ворожен, глядѣла на небо—все предвѣщаетъ близость опасности... Никто не хотѣлъ вѣрить, что кметы сегодня зажгутъ огни, а вотъ же зажгли ихъ... Оправдается и все остальное... Я больше знаю... мы погибнемъ! Пусть же они остаются живы, чтобъ было кому отомстить кметамъ...

Хвостекъ бѣсился, княгиня выходила изъ себя—они чуть было не подрались; князь, впрочемъ, отступилъ первый, опустилъ голову и проворчалъ сквозь зубы:

— Будь что будетъ!

Княгиня велѣла сыновьямъ снаряжаться въ дорогу. Мухѣ приказано было готовить лодку. Молодымъ людямъ пришлось смѣнить княжескую одежду на простую сермягу, а мечъ спрятать подъ нею. Оба горько плакали... Но рѣшимость матери была непреклонна; волей неволей, приходилось повиноваться.

Хвостекъ молча прижалъ сыновей къ груди.

— Пусть хоть до завтра побудутъ... проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... ни одной минуты; завтра насъ окружаютъ со всѣхъ сторонъ...

Парни молчали. Недовольный Хвостекъ, глядя на нихъ, ворчалъ себѣ что-то подъ носъ.

Княгиня вышла и сейчасъ же вернулась съ головою, обвязанною ка-

кимъ-то трипьемъ, въ плащѣ изъ простаго сукна, небрежно накинутаго на плечи.

— Я провожу васъ до того берега,—сказала она:—пока не сядете на коней, я буду съ вами...

Она обоихъ поцѣловала.

Хвостекъ молчалъ. Въ открытое окно повсюду виднѣлись огни.

— Видите,—проговорила Брунгильда:—это означаетъ войну... Быть можетъ завтра она начнется... Замокъ будетъ обороняться... Возьмутъ его и домъ—останется еще башня... Одинъ, два, три мѣсяца можно прожить въ ней... Спѣшите къ дѣлу и возвращайтесь съ помощью... скорѣе...

Она перевела духъ.

— А если бы и насъ, и башни ужъ не было... отмстите за смерть отца съ матерью... не жалѣйте этого жалкаго, змѣйнаго племени!

Хвостекъ настаивалъ на своемъ.

— Они никогда столба не разрушатъ—проговорилъ онъ.—Являйтесь съ саксонцами, осаду мы выдержимъ...

Сыновья еще разъ припали къ ногамъ родителей и, слѣдуя приказанію княгини, вышли изъ избы... Сейчасъ же у самой башни стояла лодка. Муха съ другимъ сильнымъ мужчиною, сидѣли въ ней. Брунгильда первая заняла мѣсто, за ней вскочили и сыновья. Хвостекъ стоялъ на берегу... Лодка отчалила... Поздно вернулась княгиня... Глаза ея были заплаканы; разставаясь съ дѣтьми, она долго рыдала... Хвостекъ ужъ спалъ. Она же неподвижно просидѣла до самаго утра. На слѣдующій день, послѣ первой обычной смѣны, часовой, стоявшій на башнѣ, доложилъ, что кругомъ царитъ тишина, ничего особеннаго не видно, не слышно...

Хвостекъ торжествовалъ.

— Не посмѣютъ,—твердилъ онъ:—не посмѣютъ... И слѣдующая ночь прошла спокойно. Часовой, по прежнему, ничего не замѣтилъ. Вечеръ насталъ—тишина продолжалась. Княгиню пугало это затишье предъ бурей; Хвостекъ повторялъ: не посмѣютъ...

Вдругъ часовой протрубилъ разъ, другой, третій. Всѣ поднялись на ноги... Слуги повывѣжали изъ сараевъ... Работники собрались на дворъ... Смерды засуетились... У опушки лѣса вдали что-то чернѣло; огромная, безформенная масса, медленно колыхаясь, направлялась къ замку...

— Кметы прямо на насъ идутъ!—кричали испуганные Смерды. Хвостекъ и жена его испугались. Лица ихъ поблѣднѣли, стали такими же мертвенными, какъ трупы несчастныхъ князей, которыхъ еще недавно волокли изъ той же свѣтлицы на дворъ. Князь велѣлъ налить себѣ меду, выпилъ и кубокъ швырнулъ далеко отъ себя.

— Эй, люди, на насыпи!—крикнулъ онъ.—Мостъ подожечь!

Въ одно мгновеніе толпа княжескихъ слугъ бросилась исполнять отданное приказаніе. Мостъ подожгли, пламя быстро его охватило, дымъ столбомъ поднялся къ небу. Башня, замокъ и всѣ строенія освѣтились зловѣщимъ свѣтомъ: казалось и самое озеро загорѣлось... Наконецъ, огонь на-

чалъ ослабѣвать и вскорѣ все опять погрузилось въ непроницаемый мракъ. Подобная переменѣна нагнала на Хвостека еще большій страхъ.

Кто могъ знать, что несетъ съ собою эта страшная толпа?

Хвостъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ... Наконецъ, повидимому, жизнь снова въ немъ закипѣла—онъ крикнулъ на своихъ людей. Теперь только посыпались приказанія одно за другимъ.

Въ эту минуту по двору что-то промелькнуло, направляясь къ озеру... Маленькій человѣчекъ сѣлъ въ крошечную лодку, похожую на орѣховую скорлупу... Вода разступилась, заколыхалась и лодка исчезла... Зносекъ съ остриженной головою, съ прострѣленнымъ глазомъ, лежа почти недвижимо въ своей скорлупѣ, руками разсѣкалъ воду, скользя по ея поверхности... Безъ шума, безъ плеска, онъ подвигался впередъ, точно влекомый какою-то постороннею силой. Добравшись до противоположнаго берега, онъ спрятавъ лодочку въ камышахъ, выползъ на сушу и—мгновенно исчезъ.

Такъ прошла ночь. Зарумянилось небо на востокѣ, освѣтивъ землю, всю окутанную въ туманъ, словно въ саванъ... Съ насыпей ничего нельзя было различить. Но вотъ потянуло вѣтромъ, туманъ понемногу сталъ разползаться. Сторожившіе на насыпи вдругъ увидѣли предъ собою живую стѣну: голова, тутъ же съ ней рядомъ, другая, третья и такъ далѣе, безъ конца... Впереди всѣхъ Мышки и старшины...

Хвостекъ взомель на башню... Онъ считалъ, считалъ... не могъ сосчитать даже и маленькой части этой многоглавой стѣны...

— Пусть стоятъ... разойдутся!—думалось ему.

Куда ни глядѣлъ князь, всюду знакомыя лица: тамъ стоятъ братья тѣхъ, которые пали по его приказанію, тутъ—сыновья утопленныхъ въ озерѣ, дальше—тѣ, что съ Мышками были въ гостяхъ у него... Несмѣтная, грозная толпа неподвижна, она только смотритъ на столбъ, какъ бы желая уничтожить его глазами.

— Пускай наглядятся въ сласть!—проворчалъ князь, и спустился съ лѣстницы.

У подошвы башни пьяные Смерды разставляли людей, стараясь ихъ ободрить:

— Это грубая чернь, а не войны, всѣ они трусы... Плугъ бы имъ въ руки, вмѣсто оружія...

Брунгильда вышла изъ свѣтлицы, оглядѣлась кругомъ и закрыла лицо руками. Хвостекъ старался смѣяться, но блѣдность выдавала то, что онъ чувствовалъ.

Вокругъ замка—удивительно!—ни крику, ни голоса человѣческаго не слышно! Между тѣмъ, осаждающіе хотя незамѣтно, но подвигаются все ближе и ближе впередъ... Одни несутъ на плечахъ небольшія лодки; другіе связываютъ бревна и пускаютъ ихъ на воду... Князь велѣлъ готовить пращи и луки.

Солнце взошло—все радостно освѣтилось. Теперь только слышались голоса Мышковыхъ:

— Вотъ тебѣ твой послѣдній день, поганый ты Хвостъ! Поклонись солнцу, протиснись съ нимъ, больше ужъ его не увидишь!

Между тѣмъ, князь словно и думать забылъ объ опасности. Сѣвъ на скамью, онъ осушалъ чарку за чаркою... По той сторонѣ у берега, куда только глазъ хватаетъ, выстроился цѣлый рядъ лодокъ, точно выросшихъ изъ воды; около нихъ толпились люди... Вотъ и отчаливаютъ... Лодка прикасается къ лодкѣ; одинъ рядъ слѣдуетъ за другимъ... Этотъ лѣсъ лодокъ все приближается... Немного ужъ остается до самыхъ насыпей...

Бывшіе на насыпяхъ всѣ поднялись... Съ обѣихъ сторонъ раздался ужасный крикъ, отъ котораго земля задрожала... Стая воронъ, испугавшись, поднялась со столба и умчалась въ пространство...

Посыпались стрѣлы. Засвистѣли въ воздухѣ камни, причиняя вредъ и той и другой сторонѣ... Полетѣли на осаждающихъ цѣлые стволы, давятъ они людей, сбрасывая ихъ въ воду, и, при каждомъ удачномъ ударѣ, на насыпи раздаются веселые возгласы.

Одинъ рядъ упалъ въ воду... На смѣну ему вырастаетъ другой... По тѣламъ мертвецовъ карабкаются живые...

— На насыпи! На насыпи!..

Смерды бѣгаютъ, кричатъ, отдають приказанія...

Два раза осажденнымъ удалось отстоять насыпи... Третій напоръ... Кметамъ удалось подобраться къ воротамъ... Враги встрѣтились здѣсь лицомъ къ лицу.

Хвостекъ, замѣтивъ это, спустился внизъ.... Онъ бросился въ свѣтлицу и вынесъ оттуда жену на рукахъ... За ними бѣжали женщины, заливаясь слезами...

— На лѣстницу! На столбъ!..

Кто что успѣлъ захватить съ собою—узлы, платье, пищу—все тащутъ на столбъ.

— На башню отборныхъ людей!

На лѣстницѣ масса карабкающихся, гнется она подъ ихъ тяжестью, а башня, словно бы, ненасытная, усердно глотаетъ всѣхъ, кому посчастливилось до нея добѣжать.

Раздался раздирающій душу крикъ... Княжескіе слуги съ насыпей бѣгутъ во дворъ... Кметы уже на насыпи... Трупы всюду: по берегу, на дворѣ, озеро ими покрыто...

Кто еще живъ, бросается къ лѣстницѣ... Но ее потянули вверхъ, внутрь башни... Двери захлопнулись...

Мышки заняли дворъ и замокъ... Кто попадался съ оружіемъ въ рукахъ, того лишали жизни; кто же его бросалъ, того миловали, связывая по рукамъ и ногамъ... Кметы разбѣжались по двору, заглядывали во всѣ избы, искали, хотѣли найти враговъ—но вездѣ уже было пусто, нигдѣ ни живой души...

Княгиня оставила таки, на всякій случай, въ свѣтлицѣ желтый гор-

шокъ съ медомъ, подправленнымъ ядомъ, но Мышко, первый взшедшій туда, замѣтивъ горшокъ бросилъ его на землю...

Побѣдители ликовали...

Они бросали вверхъ колпаки, оглашая воздухъ криками:

— Ладо!.. Да здравствуютъ Мышки!.. Смерть Хвосту!..

Всѣ обратили теперь вниманіе на башню. Никакъ нельзя къ ней подойти: кто подступитъ—неминуемо гибнетъ... Камни летятъ сверху и убиваютъ, давятъ смѣльчаковъ... Кметы, дѣлать нечего, отошли отъ столба.

Кто-то бросилъ зажженную лучину въ сарай, другой поджегъ и свѣтилицу... Огонь вспыхнулъ, замокъ горить!

— Да не останется камень на камнѣ, до послѣдней щепки разрушимъ... Уничтожимъ Пепелковъ родъ!..

Мышки велѣли трубить сборъ; затѣмъ отдали приказаніе расположиться для отдыха посрединѣ двора... Пускай горятъ дома, сараи и все до послѣдней клѣти!

На первый день и такъ много работы — что же касается столба — о немъ будетъ время и завтра подумать!

Мышки со старшими удалились держать совѣтъ на пригорокъ, неподалеку отъ столба. Здѣсь глазамъ ихъ представилось ужасное зрѣлище.

Не глубоко зарытые въ землю трупы дядей и племянниковъ князя лежали на землѣ полусгнившіе... Тутъ же валялись остатки собакъ, вырванныхъ ихъ изъ земли и отравившихся пропитаннымъ ядомъ тѣлами... Покойники выглядѣли страшнѣе смерти, опозоренные, смѣшанные въ одну кучу съ дохлыми псами... Мышки невольно вздрогнули...

— Послѣдній изъ рода своихъ же убилъ!—сказалъ Мышко.—Онъ самъ хотѣлъ, чтобы послѣ него никто не остался, кромѣ старика Милоша и ослѣпленнаго Лешка...

— И двухъ его сыновей, что живутъ у нѣмцевъ!—прибавилъ другой...

— Пусть же несчастнымъ погибшимъ пламя этого дома послужитъ почетнымъ костромъ!—сказалъ Мышко.

По его приказанію слуги собрали останки княжескихъ родственниковъ и бросили ихъ въ самый большой огонь, чтобы души страдальцевъ могли добраться до праотцовъ съ жалобой на изверга князя.

Хвостекъ съ башни своей видѣлъ процессію погребенія тѣлъ его жертвъ. Впереди несли останки Мстивоя и Забоя, затѣмъ ихъ сыновей; когда дошли до того мѣста, гдѣ прежде была свѣтлица, слуги собрали въ одну кучу горящіе уголья, подбавили горячаго матеріала и уложили покойниковъ всѣхъ въ одинъ рядъ.

Пламя сейчасъ же охватило принесенныя ему жертвы. Мышки стояли тутъ же, слѣдя за обрядомъ сожженія. Синеватые огоньки, мелькавшіе надъ тѣлами, представлялись духомъ покойныхъ выпущеннымъ на свободу...

Только вечеромъ сталъ пожаръ уменьшаться. Кметы расположились на городищѣ, вблизи столба и отдыхали...

Мышки усѣлись со старшими.

— Что намъ дѣлать теперь со столбомъ и съ тѣми, что въ немъ находятся? Огонь ихъ не уничтожить, потому что камень устоитъ противъ огня; топоромъ и молотомъ не разбить толстыхъ стѣнъ; взлетѣть на башню въ состояніи лишь только птицы; подкопъ не поможетъ — стѣны глубоко засѣли въ землю... а, говорятъ, подъ землею ихъ столько же, сколько и надъ нею?..

— Голодомъ только, не теряя людей понапрасну, — сказалъ Кровавая шея: — голодомъ заставимъ ихъ сдаться. Расположимъ всѣхъ нашихъ вокругъ столба; если запасовъ въ немъ хватитъ на мѣсяцъ — мы простои́мъ два; два мѣсяца — простои́мъ дольше... Будемъ ждать пока всѣ не помрутъ до единого... Чѣмъ ихъ тамъ больше собралось, тѣмъ скорѣе голодъ наступитъ... Половина нашихъ пускай идетъ домой, другой половины хватитъ, чтобы воспрепятствовать заключеннымъ выбраться на свободу.

Этому совѣту рѣшено было послѣдовать. Часть кметовъ разбрелась по домамъ, другая — осталась на городищѣ. Мышки собирались ужинать, когда изъ сосѣдняго лѣса выѣхало нѣсколько всадниковъ и не торопясь направилось къ отдыхающимъ. Во главѣ виднѣлся Бумиръ съ друзьями — люди стоящіе горою за Лешковъ, какъ члены одного рода. Они, подобно Милошу съ семьею, не хотѣли держать руку кметовъ. Подѣхавъ, Бумиръ не слѣзъ съ лошади и не поклонился старшинамъ. Онъ обратился къ Мышко:

— Обратить въ пепель княжескій замокъ не мудрено — а гдѣ же самъ князь?..

Засмѣявшись указалъ Мышко на башню: Бумиръ тряхнулъ головою.

— Этимъ всѣхъ Лешковъ все равно не стереть съ лица земли, — отвѣчалъ онъ: — все же насъ довольно останется!.. Чего вы хотите отъ насъ?

— Отъ васъ? Чтобъ вы смирно сидѣли... а не правили нами, — усмѣхнулся Мышко.

— Не старая ли волчья свобода засѣла у васъ въ головахъ? А нѣмцы ужъ не далеко... Одного князя свергнете — на смѣну посадите другого! Не такъ ли?

— Быть можетъ, но не изъ вашихъ! — возразилъ Мышко. — Не изъ той крови, которая хотѣла нами, какъ скотиной бездушною обрабатывать землю... Нѣтъ!.. Князя себѣ мы найдемъ...

Бумиръ посмотрѣлъ на башню.

— Приступомъ думаете столбъ-то взять? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ... — коротко отвѣтилъ Мышко: — мы до тѣхъ поръ не тронемся съ мѣста, пока они всѣ тамъ не сдохнутъ съ голоду.

Бумиръ долго не отвѣчалъ, опустивъ на грудь голову.

— Лишь бы нѣмцы раньше того не пришли и не освободили ихъ, — замѣтилъ онъ наконецъ. — Тогда и виноватому и невинному — всѣмъ достанется... И мой домъ обратится въ пепель, людей въ плѣнъ возьмутъ...

Мышки засмѣялись...

— А развѣ жъ мы безоружны? — сказалъ младшій, по прозванію Бѣлый.

— У саксонцевъ желѣза много: въ желѣзо закованы и стрѣлы желѣз-

ния, — продолжалъ Бумиръ. — Десятка саксонцевъ на сотню вашихъ до-
вольно...

— Но за то ихъ сотни не прійдетъ изъ-за Лабь,—говорилъ старшій.

— Нѣтъ, конечно,—отвѣтилъ Бумиръ:—но пришедшіе призовутъ сотню
илъ двѣ поморцевъ, а ужъ послѣднимъ не трудно до насъ добраться..

— Ну, съ ними съумѣемъ справиться: оружіе у насъ одинаковое,
владѣемъ имъ тоже не хуже, — замѣтилъ Мышко. — Такія угрозы намъ не
страшны!

Всѣ замолчали. Бумиръ не нашелъ, что отвѣтить. Кровавая шея вну-
шительно произнесъ:

— Э... Бумиръ и вы всѣ Лешки, коль хотите жить мирно, спокойно,
такъ и сидите въ своихъ углахъ, а въ наши дѣла не мѣшайтесь... Не же-
лаете противъ своихъ воевать, мы и не заставляемъ насильно... но не вы-
зывайте волка изъ лѣса!.. Сидите смирно!

Бумиръ нахмурился.

— Я съ совѣтомъ, да съ добрымъ словомъ явился къ вамъ — началъ
онъ — воевать съ вами мнѣ не приходится. Я только напомнилъ, что Леш-
ковъ и ихъ потомковъ пока еще много... Сегодня вы сильны, завтра мы
можемъ оказаться сильнѣе... Земля у насъ общая, не лучше ли миръ да
согласіе, а не рѣзня на радость врагамъ!..

— Мы васъ не тревожимъ, живите себѣ въ покоѣ!—сказалъ Кровавая
шея.—Чего же вамъ больше надо?

— Такъ отпустите и того, котораго хотите заморить голодомъ,—ска-
залъ Бумиръ, снова взглянувъ на башню.

Мышко захохоталъ.

— Ну, хорошо, пусть и такъ,—согласился онъ: — но подъ условіемъ,
что намъ возвратятъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ нашъ добрый князь отравилъ
илъ убилъ...

Потомъ, указывая на рану на шеѣ.

— И мою кровь пускай мнѣ воротить!

— А развѣ вамъ еще мало мести?.. Раззорить замокъ, обратить домъ
въ груды пепла, перерѣзать людей—этого вамъ еще мало?

— Да развѣ пролитая кровь—его?—горячился Мышко.—Намъ нужна
кровь за кровь...

Бумиръ призадумался.

Стало быть, завтра вы тоже что и сегодня отвѣтите намъ и всѣмъ
Лешкамъ, живущимъ на нашей землѣ?..

— Да мы васъ не трогаемъ, воевать съ вами не думаемъ,—говорили
другіе.—Милошъ сидитъ же спокойно дома, сынъ его тоже, да и вамъ, по-
видимому, живется не дурно... Власти вамъ не дадимъ... а жить вамъ никто
не мѣшаетъ!..

Бумиръ замолчалъ... Въ сторонѣ столба что-то стукнуло. Хвостъ от-
крылъ ставню въ верхнемъ окнѣ и крикнулъ:

— Эй, Бумиръ! Что это вздумалъ ты вести разговоръ съ разбойни-

ками? Съ бѣшеннымъ звѣремъ не разговариваютъ, а прямо бьютъ! Соберите людей и приходите защитить насъ... Наше дѣло—вамъ не чужое...

Мышко поднялъ голову и посмотрѣлъ на окно, откуда слышался голосъ. Лукъ лежалъ возлѣ него. Мышко взялъ его въ руки, прицѣлился и стрѣла засвистѣла въ воздухъ... но она вонзилась въ деревянную ставню... Въ башнѣ раздался дикій смѣхъ... Сейчасъ же другая стрѣла, пущенная изъ окна, пробѣжавъ съ быстротою молніи назначенное ей пространство, съ размаху впиалась въ одежду Мышко. Онъ вынулъ ее и съ презрѣніемъ отбросилъ въ сторону...

— Змѣиный родъ!..—кричалъ Хвостекъ.

— Бѣшеные собаки!—былъ отвѣтомъ Мышка.

— Ядовитыя змѣи!

— Подлая гадины!

— Стерво и падалъ!

Такими словами обмѣнивались другъ съ другомъ противники.

— Бумирь!—крикнулъ наконецъ Хвостекъ осипшимъ отъ злобы голосомъ—отправляйся домой, призови своихъ... Не дай намъ погибнуть! Смотри—доберутся и до тебя!..

Бумирь поворотилъ лошадь. Мышко не спускалъ съ него глазъ.

— Воля твоя: моего-ли, Хвостова-ль совѣта послушаться—дѣлай какъ знаешь... Скажемъ тебѣ лишь одно и въ этомъ даемъ священную клятву...

Мышко, взявъ въ руку горсть земли, поднялъ ее вверхъ.

— Даю тебѣ клятву, Бумирь, что если ты, или твой родъ, вздумаете защищать Хвоста, если хоть одинъ изъ вашихъ подыметъ руку на насъ—мы ни единой живой души не оставимъ... Помните же объ этомъ!

Бумирь и товарищи его молчаливые еще разъ взглянули на башню, откуда доносились невнятные голоса и крики; затѣмъ поворотили коней и уѣхали. Мышки спокойно смотрѣли имъ вслѣдъ.

Если бы кто нибудь вошелъ тогда внутрь башни, глазамъ его представилось бы ужасное зрѣлище: а всего былъ второй день осады!

Въ самомъ низу, давя другъ друга, тѣснились слуги, молодые парии и рабы, которыхъ держали здѣсь для защиты. Тѣснота была страшная, мѣста мало, воздухъ спертый; челядь и слуги боялись исхода несчастной для нихъ войны и жаловались на свою судьбу, говоря что гораздо лучше бы сдѣлали, если бы сразу отдались врагамъ, такъ какъ все равно здѣсь придется погибнуть.

Смерды съ палками стояли надъ ними, приказывая смирно сидѣть, но слуги не слушались: недовольство росло съ каждымъ мгновениемъ. Изъ колодца поминутно таскали воду; ея не успѣвали въ достаточномъ количествѣ доставать, столько было томимыхъ жаждою въ этомъ хаосѣ. Немного выше находились стрѣлки, готовясь къ защитѣ... Здѣсь прохаживался князь и Брунгильда. Въ углу лежали медвѣжьи шкуры, служившія имъ вмѣсто ложа. Еще выше помѣщались женщины, а на самомъ верху часовые. Стоны и плачъ раздавались повсюду. Два пария умерли отъ ранъ, полученныхъ

ими во время осады, одна больная женщина—отъ испуга. Съ этими тремя трупами не знали что дѣлать... Волей неволей пришлось выбросить ихъ изъ башни, и эти тѣла, обезчещенныя, брошенныя на волю судьбы, какъ бы служили предзнаменованіемъ того, что должно было вскорѣ произойти на столбѣ. Такая же судьба ожидала и прочихъ.

Хвостъ, не переводя духъ, проклиналъ всѣхъ и все. Брунгильда долго лежала, не говоря ни слова. Супруги не обмѣнялись ни словомъ; по всему было видно, что постигшее ихъ несчастіе они взаимно приписывали другъ другу... Пейслекъ всю вину относилъ къ женѣ, она же къ нему...

И князь и княгиня все еще вѣрили въ возможность защиты; они надѣялись на сыновей, которые должны были вернуться съ саксонцами. Брунгильда, мало чего ожидавшая со стороны ругавшагося Хвоста, позвала Муху и съ нимъ отправилась осмотрѣть запасы. Хлѣба было достаточно, но, кромѣ двухъ старыхъ камней, у нихъ ничего не было чѣмъ бы можно было готовить муку... Печь была тоже, но о печеніи хлѣба нельзя было и думать, такъ какъ дровъ было мало. Пришлось растирать зерно, дѣлать изъ него крупу, которую, размочивъ водою, и употреблять въ пищу. Но какъ прожить такимъ образомъ цѣлые мѣсяцы?!

Въ общей суматохѣ, когда всѣ бросились къ столбу, немногіе успѣли кое-что захватить съ собою. Колодезь, изъ котораго черпали воду, былъ ужъ давно запущенъ, такъ что первыя ведра пришлось выливать вонъ. Томимые жаждою пили потомъ и эту воду, но находили въ ней больше грязи и крови, нежели воды.

Эта вооруженная толпа полуголодныхъ и полушьяныхъ людей, сидящихъ въ нижнемъ этажѣ и которую Брунгильда внимательно разглядывала, спускаясь по лѣстницѣ—показалась ей грозною и опасною. Княгиня спросила Муху, возможно ли удержать ихъ въ повиновеніи. Муха задумавшись промолчалъ. Тѣ, которые вчера еще трепетали предъ княземъ, теперь открыто ворчали, давая волю накинѣвшейся горечи, долго переносимой безропотно. Брунгильда видѣла лишь теперь однихъ недовольныхъ, вполне равнодушныхъ къ участи господъ своихъ—слугъ, едва, на данное приказаніе, поднимающихъ голову. Нѣкоторые шептались какъ-то таинственно, осматриваясь по сторонамъ.

Всѣ, въ одинъ голосъ, громко требовали нитя и пищи; палочные удары, смердовъ съ большимъ трудомъ да и то не надолго водворяли порядокъ.

Брунгильда отвела въ сторону Муху и указавъ ему на людей, сказала: — Ртовъ слишкомъ много, а рукъ слишкомъ мало! — Что дѣлать?

Они долго шептались. Хвостекъ не зналъ куда и дѣваться: то къ одному окну подойдетъ, потомъ переходить къ другому, не будучи въ состояніи равнодушно смотрѣть на Мышковъ, спокойно цѣдившихъ пиво изъ бочекъ и раздававшихъ его своимъ людямъ. То Хвостекъ уляжется на постель, но тотчасъ же встанетъ и снова подойдетъ къ окну, скрежеща зубами. При встрѣчѣ съ женою, онъ отворачивался.

Брунгильда искала совѣта у Мухи; въ свою очередь князь, прискучивъ молчаніемъ, призвалъ любимца—слугу и шепотомъ съ нимъ совѣщался.

Начинало уже смеркаться, когда Муха спустился внизъ чтобы выбрать, кого послать на верхъ сторожить. Дѣйствовалъ онъ при этомъ вполне произвольно. Впрочемъ тѣ, которые оставались внизу, не сѣтовали на него; у нихъ по крайней мѣрѣ была гнилая солома, и имъ можно было на ней растянуться. Едва предназначенные въ стражу успѣли подняться на верхъ, какъ явились двѣ служанки Брунгильды и принесли ужинъ оставшемуся внизу. Это была какая то крупа пополамъ съ водою; но голоднымъ и она показалась вкусно: въ одно мгновеніе въ мискахъ ничего не осталось. Княгиня смотрѣла въ щель какъ они ѣли, затѣмъ съ непонятною тревогою стала слѣдить за тѣмъ, какъ они легли. Сонъ наступилъ мгновенно, захвативъ каждого на томъ мѣстѣ гдѣ тотъ сидѣлъ. Заснули всѣ удивительно крѣпкимъ, необыкновеннымъ сномъ, между тѣмъ, по ихъ движеніямъ нѣкоторыхъ казалось, словно они всѣ силы употребляютъ чтобы проснуться неотчетно. Прошелъ часъ, другой... люди все спали, лежали не двигаясь; Гробное молчаніе царило кругомъ.

Муха съ зажженною лучиною спустился внизъ, обошелъ спавшихъ по очереди, дотронулся рукою до каждаго лица, прислушался не слышно ли у кого дыханія, сосчиталъ всѣхъ и вернулся на верхъ.

Это были лишніе рты, отъ которыхъ Брунгельда счумѣла избавиться. Позвали нѣсколько человѣкъ съ вышки и велѣли имъ выбросить вонъ тѣла несчастныхъ изъ башни. Приглашенные, какъ видно привыкшіе къ подобнаго рода работѣ, не только не отказались исполнить приказанное, но даже не выказали малѣйшаго удивленія. Они сняли одежду съ бывшихъ своихъ товарищей, осмотрѣли ихъ блѣдно-синія лица и принялись за работу.

Мышки съ своими сидѣли у костра, издали поглядывая на столбъ, когда первыя тѣла покойниковъ, выброшенные изъ окна, упали на землю. Нѣсколько любопытныхъ подошло было къ башнѣ. Смѣльчакамъ на головы посыпался градъ камней, одного изъ приближавшихся прижалъ къ землѣ падающій трупъ. Точно спѣлыя плоды посыпались мертвецы со всѣхъ сторонъ. Осаждающіе съ изумленіемъ смотрѣли на это зрѣлище.

— Избавились отъ лишнихъ ртовъ, — догадались они наконецъ:—изъ этого видно, что въ башнѣ намѣрены защищаться, дожидаясь помощи.

Всю ночь съ одной стороны горѣли костры, съ другой—мѣнялись часовые на башнѣ. Одни спали, другіе стояли на часахъ. Иногда, но это случалось рѣдко, стрѣла или камень пущенныя съ площадки столба ударялись въ спящаго кмета или зарывались въ землю, попавъ же въ костеръ разбрасывали уголья.

Вороны, каркая, вились вокругъ башни, не будучи въ состояніи попасть въ свои гнѣзда. Къ утру, казалось, заснули всѣ, но Мышки разставили такимъ образомъ людей вокругъ башни, что изъ нея никто не счумѣлъ бы войти не будучи сейчасъ же замѣченнымъ.

На башнѣ не видно было никакихъ признаковъ жизни, кромѣ стояв-

шихъ на верхней площадкѣ часовыхъ. Болѣе ловкіе кметы старались попасть въ нихъ стрѣлою, часовые прятались на время за стѣнку—и снова все принимало прежній видъ. Каждый разъ когда Хвостекъ входилъ на башню, его встрѣчали крикомъ и бранью.

Однажды, около полудня, изъ башеннаго окна, раздался голосъ призывающій подойдите къ столбу. Кметы думали, что осажденные намѣрены сдаться. Мышко-Кровавая шея хотѣлъ было уже начать переговоры, но младшій братъ его, котораго прозвали Журавлемъ, за крайне длинныя ноги, подбѣжалъ къ столбу раньше Кровавой шеи и поднялъ голову вверхъ. Изъ окна раздался дикій хохотъ и одновременно съ нимъ громадный камень свалился на голову бѣдному парню разможивъ ему голову. Журавль не крикнувъ упалъ какъ снопъ.

Мышки вскрикнули, ломая въ отчаянныя руки.

— Кровь за кровь!! Ни одинъ не выйдетъ живымъ изъ башни!!

Гнѣвъ осаждающихъ достигъ крайнихъ предѣловъ. Хвостъ все громче смѣялся. Смѣльчаки бросились было спасать тѣло несчастнаго отъ поруганія, но на нихъ полетѣла громадная балка, которая къ счастью упала только на трушъ, придавивъ его своею тяжестью. Мышки стонали; потеря любимаго брата привела ихъ въ отчаянье. Кметы кинулись гурьбою, на перерывъ, къ покойнику; имъ таки удалось освободить изуродованное тѣло, чтобы предать его огню.

На томъ же мѣстѣ гдѣ вчера сожгли тѣла Лещковъ положили и несчастнаго юношу. Принесли дровъ, устроили костеръ и начали пѣть обрядовыя пѣсни. Ругань перемѣшанная съ проклятіями доносившіяся съ башни, прерывали ихъ поминутно.

Въ это время,—на дворѣ почти что уже стемнѣло,—человѣкъ небольшого роста съ остриженной головою, съ однимъ глазомъ—откуда то появившейся подошелъ къ кметамъ. Онъ поглядывалъ на башню, стараясь держаться въ сторонѣ. Человѣкъ этотъ собиралъ разбросанныя на землѣ кости—голодъ видимо донималъ его. Онъ присѣлъ, вмѣстѣ съ собаками, на кучѣ разнаго сора—никто не обращалъ на него вниманія. Никто впрочемъ его и не зналъ. Въ тѣ времена, много шаталось людей подобныхъ описанному, съумасшедшихъ, бѣдныхъ, слѣпыхъ или уродовъ, а по принятому обычаю необходимо было ихъ принимать и кормить. Несчастный зносекъ какъ разъ подходилъ къ типу такого несчастнаго, обиженнаго природой созданія. Нѣсколько кметовъ бросили ему по куску хлѣба и по необгложенной кости, которые онъ принялся грызть съ видимымъ удовольствіемъ.

Ни кому не пришло въ голову, что уродецъ добивался лишь обойти кругомъ башню, дѣлая видъ что собираетъ что-то съ земли. Было ужъ совсѣмъ темно, когда Зносекъ подоидя почти къ самому столбу, припалъ къ землѣ и куда то исчезъ. Пѣсни умоляли, люди дремали у костровъ, часовые глядѣли на озеро: изъ одного окна, или вѣрнѣе отверстія, въ башнѣ тихонько, безъ шума, спустили толстый канатъ. Зносекъ осторожно подползъ къ нему, крѣпко обвязалъ имъ свое туловище. Часовой стоящій

Когда развязалъ красный платокъ—изъ него къ ногамъ невѣсты посыпались такія чудныя вещи, что глаза женщинъ заискрились (стр. 284).

на берегу озера, замѣтилъ что то ползущее по стѣнѣ башни, точно огромный паукъ. По понятію часового это не могло быть ничто иное, какъ развѣ духъ.

Паукъ этотъ поднимался по стѣнѣ все выше и выше, наконецъ благополучно достигъ отверстія; ставня тихонько раскрылась и онъ уже готовился проникнуть внутрь башни, когда часовой внезапно пустил стрѣлу—раздался крикъ, все исчезло.

Зноски втащили въ отверстіе. Онъ сейчасъ же со стономъ упалъ... Стрѣла впиалась ему въ шею. Прибѣжавшая на крикъ женщина, вынула стрѣлу, но кровь ключемъ била изъ раны. Наскоро добытыми тряпками старалась задержать кровь. Хвостекъ подошелъ къ умирающему Зноску и ткнулъ ему въ бокъ ногою.

— Эй, слышишь? Былъ ты у князя Милоша?

Зносекъ молчалъ, извиваясь отъ боли.

— Былъ...—проговорилъ онъ наконецъ едва внятно; но тутъ же потянулся и испустилъ духъ. Княгиня, которая при жизни ему покровительствовала, велѣла накрыть охладѣвшее тѣло холстиной.

На слѣдующее утро должны были его выбросить въ озеро, какъ ненужную болѣе вещь.

Между тѣмъ, время шло. Въ башнѣ, по всеѣмъ признакамъ, творилось что-то неладное: слышались стоны и плачъ... Казалось, внутри иногда происходилъ ожесточенный бой... Даже стѣны тряслись отъ сильныхъ ударовъ. Страшный, раздирающій душу крикъ доносился оттуда, словно печальный вѣстникъ умирающей жизни...

Нѣсколько разъ поднималась въ башнѣ возня; затѣмъ, снова все утихло... Чаше и чаще показывались истомленные лица въ окнахъ, жаждущія вдохнуть въ себя свѣжаго воздуха; раскрытыя губы, высунутые, засохшіе языки придавали имъ ужасный видъ—но никто не просилъ прощенія, никто не предлагалъ сдаться.

Десятый день осады... Башня молчитъ... Вороны стаями слетаются къ окнамъ... Кметы стрѣлами отгоняютъ ихъ... Мышки велѣли позвать когонибудь для переговоровъ: никто не откликнулся... Они прождали еще четыре дня... На башнѣ не было уже часового... Тамъ царилъ мертвая тишина. Кметамъ ужъ надоѣло столь долгое ожиданіе, всѣ съ нетерпѣніемъ желали увидѣть развязку.

Мышко-Кровавая шея велѣлъ наконецъ готовить лѣстницы. Слуги его отыскали гдѣ-то полуразрушенныя, старыя ворота, которыя на всякій случай держали надъ головами рѣшившихъ приблизиться къ башнѣ и ожидавшихъ, по прежнему, тучи камней и бревенъ. Приставили лѣстницы и осторожно стали взбираться къ главному входу.

Въ башнѣ не замѣчалось и признака жизни... Попробовали рубить входныя двери, — сопротивленія никто не оказывалъ. Вскорѣ онѣ съ шумомъ упали, провалившись какъ бы въ глубокую пропасть. Внутри была могильная тишина: ни откуда ни звука... Ощущался запахъ гнилого тѣла.

Глазамъ забравшихся въ башню кметовъ представились груды труповъ измятыхъ, съ поломанными руками, ногами, посинѣвшихъ, обезображенныхъ.

Въ верхнемъ отдѣленіи лежали тѣла князя и Брунгильды, покрытыя черными пятнами;—отъ голода ли они погибли или отъ яда?..

Убѣдившись въ побѣдѣ, кметы радостно вскрикнули. Они начинали уже тосковать по своимъ, имъ хотѣлось скорѣе разойтись по домамъ. Мышки кидали въ воздухъ свои колпаки въ знакъ восторга... Приступили къ отъискиванію громадныхъ сокровищъ Хвостека, которыя, по общему мнѣнію, онъ спряталъ въ землѣ или въ стѣнахъ башни. Расходившіеся по домамъ своимъ кметы спѣшили оповѣсть радостную для всѣхъ вѣсть, что у княжескаго столба одни лишь вороны царятъ.

ГЛАВА XXX.

опустошеннаго княжескаго столба, на развалинахъ его замка, назначено было вѣче, которое должно было произойти въ первый день полнолунія.

Дня за три до этого срока старшины уже начали собираться въ разныхъ мѣстахъ для предварительныхъ обсужденій. Собранія ихъ, на которыхъ они выказывали явную ненависть къ нѣкоторымъ извѣстнымъ родамъ, общали, что и вѣче не обойдется безъ ссоры, что на мѣстѣ, бывшемъ свидѣлемъ кровавой распри, легко можетъ снова подняться буря.

Стиборъ по пути къ своимъ заѣхалъ къ Пясту, желая и его пригласить на вѣче.

— А я вамъ на что? Я не гожусь въ совѣтчики, — отвѣтилъ Кошмичковъ сынъ: — мое дѣло ходить за пчелами... Кто сильнѣй да богаче, тотъ пускай и рѣшаетъ; я человѣкъ бѣдный, мнѣ не попасть въ старшины... Да у меня для этого ни силъ, ни способностей нѣтъ... Къ этому я не привыкъ, повѣлывать не умѣю, развѣ пчеламъ однимъ — тѣ меня слушаются... да слугамъ, которые меня уважаютъ. Въ добрый часъ; начинайте и торопитесь выбрать князя скорѣе... Какъ только нѣмцы узнаютъ, что мы безъ вожда, сейчасъ же на насъ нападутъ... Станемъ по-братски за общее дѣло... За себя вамъ ручаюсь: все, что прикажете дѣлать, исполню безпрекословно; что-жъ именно начинать, это должно быть извѣстно вамъ лучше меня...

Стиборъ улыбнулся и продолжалъ:

— Твой-то умъ намъ и нуженъ, добрый отецъ, потому, кажись, мы

далеки отъ спокойной развязки,—все предвѣщаетъ бурю. Лешковъ, хоть и мелкіе всѣ они, осталось еще довольно, а кромѣ того и прочіе кметы да витязи тоже мечтають о княжескомъ званіи... Не легко дается намъ это дѣло...

Оба вздохнули. Старикъ по прежнему утверждалъ, что лучше возиться съ пчелами чѣмъ съ людьми. Наконецъ хозяинъ и распрощались. Пясть съ корзиною за плечами направился въ лѣсъ; Стиборъ поспѣшилъ на вѣче.

Отовсюду стекались кметы къ княжескому замку. Прибыли и Лешки, слегка потрухивавшіе, но не желавшіе уступить своего права другимъ. Втайнѣ они надѣялись, что, въ концѣ концовъ, выборъ таки пойдетъ на кого либо изъ нихъ.

Трудно было придумать для сборища мѣсто удачнѣе избраннаго: развалины, грустный видъ свѣжаго пенелища—остатка низверженнаго могущества, — все наводило на мысль, что медлить съ избраніемъ князя не слѣдуетъ, такъ какъ съ каждымъ мгновеніемъ близился часъ ожидаемой мести за Пенелка.

На городищѣ было уже много владыкъ, жупановъ и кметовъ, а новые все прибывали. Всѣ предугадывали, что Мышки, уничтожившіе Хвоста, займутъ по праву на выборахъ первое мѣсто; не всѣмъ однако это приходилось по вкусу...

— Хоть въ жилахъ у нихъ течетъ такая же кровь, какъ и въ нашихъ, разсуждали иные,—но, забравъ власть въ свои руки, пожалуй начнутъ обходиться съ нами не лучше Хвостка, отъ котораго только что мы избавились.

Тутъ же видаѣлся и недавно оправившійся Доманъ съ Людекомъ, сыномъ Виша, и много другихъ, прибывшихъ изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ. Не замѣтно лишь было Пяста.

— Жаль что нѣтъ старика, пригодился-бъ онъ намъ теперь,—слышались голоса:—человѣкъ онъ прямой, съ свѣтлымъ умомъ, говоритъ много не любить, а дѣло куда лучше знаетъ другихъ, къ тому же ни съ кѣмъ не связанъ, всѣмъ желаетъ добра...

Пошли распросы о Пястѣ. Стиборъ объяснилъ, что старикъ занятъ работой по хозяйству въ лѣсу...

Солнце высоко уже поднялось на небѣ, а кметы все продолжали прибывать. Видя что дѣло затягивается, раньше прибывшіе обратились съ заявленіемъ къ старшинамъ, что пора бы и начинать.

Старшій лѣтами на съѣздѣ оказался Жула, изъ рода Яковъ, богатый кметъ, житель дальнихъ лѣсовъ, любившій миръ и мало привыкшій къ войнѣ и къ вѣчамъ. Слылъ онъ за человѣка строгаго, но притомъ справедливаго, особенно если приходилось ему исполнять роль судьи. Расправивъ рукою усы и бороду онъ проговорилъ:

— Приступимъ къ избранію князя, къ чему намъ время терять? Дома, у каждаго, и безъ того много дѣла! Вздумалось вамъ завести себѣ новаго господина?.. Попробуйте... Больше мнѣ нечего вамъ сказать, замѣчу развѣ вотъ кстати, что вижу отсюда я много князей, а нуженъ намъ лишь одинъ...

За княземъ дѣло не станетъ,—повиноваться ему будетъ трудноѣ... Отчего хоть бы и мнѣ не быть вашимъ княземъ?..

Мышки, подобно другимъ родамъ держались вмѣстѣ... Полагаясь на свою многочисленность они такъ шумѣли, что невольно обращали на себя общее вниманіе.

Каждая семья таила надежду, что выборъ падетъ на одного изъ принадлежавшихъ къ ней членовъ. Никто, повидимому не хотѣлъ уступать, особенно такіе рода, какъ Лешки, Бумиры, Яксы, Кани, Поран, Визилиры, Старжи...

— Мышка выбрать, — слышалось изъ его семьи: — Кровавую шею! Онъ ужъ намъ далъ доказательство, что умѣетъ при случаѣ быть вождемъ... намъ такого и нужно!..

— Мышка?! А почему жъ бы не Кая, — замѣтилъ кто-то въ отвѣтъ: — Кани не хуже владѣютъ оружіемъ, а кромѣ того намъ богатый надобенъ князь, чтобы не было вѣчныхъ, на пользу его, поборовъ..

— Такъ и Виши—семья богатая, — оспаривалъ чей-то голосъ: — старый Вишъ первый жизнь положилъ за вѣче...

Крики усиливались, грозя перейти въ беспорядокъ. Лешки бѣшено волновались доказывая свое первенство относительно права стать во главѣ народа.

— Лешковъ не надо! Было у насъ ихъ довольно! — поднялась буря криковъ. — Долой ихъ! Мстить еще вздумаютъ намъ!..

Слово за словомъ—доходило чуть не до драки. Замѣтивъ это, Стиборъ обратился къ спорщикамъ съ увѣщаніемъ, что на вѣче — да не кулакъ, а доброе слово рѣшаетъ дѣло!

Людекъ, сынъ стараго Виша, поднялся съ мѣста и началъ:

— Слухи ходятъ, что отецъ книгини и молодые князья знаютъ уже о смерти Хвоста. Говорятъ, что въ самый тотъ день, какъ мы впервые зажгли огни, сыновья князя, гостившіе въ замкѣ, отправлены были матерью къ дѣду звать нѣмцевъ на помощь... Одновременно извѣстили о томъ же и Кашудовъ съ Поморцами... Эти долго ждать себя не заставляютъ: не сегодня—завтра нагрянуть на насъ... Земли опустошать, дома обращать въ пепелъ... Мы вотъ споримъ, да ссоримся—кого бѣ, дескать, надъ собою поставить княземъ, а о томъ забываемъ, что будь насъ хоть вдвое больше противъ дѣйствительности, безъ главы оборона не мыслима!..

Сказавъ, Людекъ сѣлъ: тогда привсталъ Добекъ. Это былъ богатый журавъ: всѣ его знали и относились къ нему съ уваженіемъ, какъ къ умному, хитрому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и великодушному человѣку. Лѣтъ ему было около сорока, хотя на видъ казалось не болѣе тридцати. Онъ обладалъ громадною физическою силою: душилъ медвѣдей, словно котятъ, и часто, сломавъ копые, вырывалъ съ корнемъ небольшое деревцо, причемъ наносилъ имъ удары лучше, чѣмъ иной копьемъ или мечемъ. Непокорную лошадь Добекъ ногами задавливалъ до смерти. Съ людьми онъ тоже церемониться не любилъ, а ужъ что касалось того: предводительствовать ли въ битвѣ, водворить ли порядокъ гдѣ—въ этомъ равнаго ему и сыскать было трудно. Нѣмцевъ онъ выносить не могъ; бывало попадетъ какой изъ нихъ ему въ

руки, онъ сейчасъ же запряжетъ его въ плугъ или въ соху. Въ мирное время Добекъ отличался веселымъ, словоохотливымъ нравомъ и разъ привязавшись къ кому, отдавался ему всею душою. Такова была личность, обратившаяся къ вѣчу съ слѣдующими словами:

— Намъ нуженъ князь, но только одинъ, сватается же ихъ болѣе сорока... За cadaго изъ нихъ стоитъ его родъ... Уступить никому не хочется... Все это не ново... Давно вѣдь рассказываютъ, что когда въ прежнее время приходилось выбирать старшинъ, Лешки не зная какъ прійти къ соглашенію, въ запуски бѣжали къ столбу... Теперь намъ не ноги нужны; нужны головы... Что жь... по старому обычаю... бинемъ жребій... Авось выдетъ что либо путное... Не умѣемъ сами рѣшить, предоставимъ рѣшить богамъ...

Наступило молчаніе: предложеніе, видимо, не понравилось.

— Не добьемся согласія,—сказалъ наконецъ Мышко Кривая-шея:—тогда и будетъ время подумать о жребіи... А съ этого начинать не стоитъ пока у насъ еще своя воля есть.

Доманъ привсталъ.

— Чѣмъ же худо по жребію?—спросилъ онъ.—По крайности времени напрасно бы не теряли. Положимъ копыя наши на землю, приведемъ бѣлаго коня, чье копые онъ прежде другихъ тронетъ ногою, тому и быть княземъ, тотъ значитъ избранникъ боговъ!

— Или пошлемъ на Ледницу, на священный островъ, пригласимъ оттуда женщину, положимъ передъ нею наши колпаки, чей она первымъ подыметъ, того мы и выберемъ княземъ,—сказалъ Згорѣлецъ.

Но ни одно изъ предложенныхъ средствъ не приняло вѣче. Шумъ продолжался—согласія не было. Между тѣмъ, наступилъ вечеръ

Бметы расходились, ничего не рѣшивъ. Одни отправились по дворамъ, другіе полегли отдыхать на сосѣднемъ лугу. Одни стояли за Лешка, другіе за Мышка, у Виша тоже не мало было сторонниковъ; нашлись и желающіе избрать Добка; послѣдніе хотѣли тутъ же провозгласить его княземъ, но онъ удержалъ ихъ отъ подобнаго намѣренія словами:

— Не хочу! Я скорѣе готовъ подчиняться, чѣмъ повелѣвать... При настоящихъ условіяхъ лучше жить на свободѣ, нежели служить многимъ господамъ... Я предпочту уйти на край свѣта, лишь бы избѣжать такой неволи...

Мышки, обманувшіеся въ расчетахъ, поспѣшили разбѣжаться. Съ каждой минутою росло число недовольныхъ и честолюбцевъ.

— Чѣмъ же мы хуже другихъ,—говорили многіе:—богаты мы столько же, если еще не богаче, земли у насъ много, родня не малая... мы также сумѣемъ княжить, какъ и другіе.

Такъ и разошлись всѣ недовольные другъ другомъ.

Пясть возвращался съ пчельника, когда къ его усадьбѣ подѣхалъ Добекъ и соскочилъ съ лошади.

— Отецъ Пясть,—обратился онъ къ старику:—ты, вмѣсто того чтобы прійти къ намъ, отправился къ пчеламъ, а будь ты на вѣчѣ, авось бы

сумѣлъ прекратить наши споры добрымъ совѣтомъ. Пчелы и безъ тебя живутъ хорошо да согласно...

— А что у васъ тамъ случилось?—спросилъ хозяинъ.

— Ничего особеннаго... Говорятъ только, что сыновья Хвостека ведутъ на насъ Кошубовъ... а мы, между тѣмъ не имъ, а другъ другу грозимъ кулаками. Вѣче ни къ чему не пришло... А такъ какъ самимъ намъ вы-брать князя не удастся, то намъ и предлагаютъ разные средства: кто лошадь, кто женщину, наконецъ, какъ водилось когда-то, хотятъ чтобъ мы взапуски бѣжали къ столбу...

— Стало быть я и правъ,—усмѣхнулся Пясть,—отдавъ предпочтеніе пчеламъ: въ лѣсу-то я знаю что сдѣлалъ, среди васъ же, мнѣ, бѣдному человѣку, дѣлать было бы нечего... Вѣдь вотъ вы ужъ и разбѣжались?!

— Одни разсердившись, совсѣмъ уѣхали, другіе остались, но сильно ворчатъ... Нѣкоторые, какъ я, напримѣръ, ищутъ ночлега... А все-таки надо же выбрать когонибудь,—того и гляди, незванный-то гость на плечи намъ сядетъ!..

На слѣдующій день рано утромъ явился Доманъ съ поклономъ. Старо-го Пяста всѣ уважали.

— Что это ты такъ блѣденъ?—спросилъ у него хозяинъ; который давно ужъ не видѣлъ Домана и ничего о немъ не слыхалъ.

— Потерялъ много крови, ножомъ мнѣ въ бокъ угораздили, — отвѣ-чалъ Доманъ.

— Кто жъ тебя это?..

— Стыдно признаться... женщина... Я хотѣлъ увести Вишову дочь, потому она сильно мнѣ полюбилась... Я ее и въ рукахъ ужъ держалъ, какъ она, выхвативъ у меня изъ-за пояса ножъ, вонзила его въ мою грудь...

— Дорогою однако жъ цѣной купилъ ты красавицу!..

— Не довелось мнѣ только владѣть ею, — замѣтилъ Доманъ смѣясь:— убѣжала на Ледвицу въ храмъ, а меня оставила тутъ залечивать рану...

— Другую дѣвицу найдешь, — старался утѣшить Пясть.

— Я и нашелъ ужъ, — сказалъ Доманъ: — да что жъ изъ того, когда первой забыть не могу...

Въ эту минуту, со стороны, раздался чей-то знакомый голосъ:

— Еслибъ не вѣдма Яруха, давно-бъ ужъ тебя поминай какъ звали!..

Пясть и Доманъ оглянулись: Яруха имъ кланялась въ ноги, старчески шевеля губами.

— А ты куда: на вѣче или уже оттуда?—спросилъ съ насмѣшкой До-манъ.—Можетъ, ты тамъ бы и пригодилась?

— Только еще на вѣче, — не смущаясь, отвѣтила Яруха:—отчего бы и мнѣ не пойти туда? Я слыхала, нѣтъ тамъ ни складу, ни ладу... Кто знаетъ? Можетъ я принесла бы съ собою порядокъ... Въ мѣшечкѣ водится у меня всякая всячина... Знаю я многое... Вотъ, хоть къ примѣру, рассказала бы сказку...

— Какаю?—полюбопытствовали и хозяинъ и гость.

— Э! это старая бабья сказка...—махнула Яруха рукой; затѣмъ продолжала.—Говорять, когда-то случилось, въ муровейникѣ не стало царя... Упалъ онъ съ дуба да такъ и погибъ на мѣстѣ, и дѣтей по себѣ не оставилъ... Долго-ли, коротко-ли—стали голодныя птицы слетаться, поклевывать муравьевъ, расхищать муравейникъ... Старшіе-то изъ муравьиной семьи и собрались, промежъ себя совѣщаніе затѣяли... Кто предлагаетъ власть вручить комару, кто и мухѣ, а не то науку, только чтобъ муравью не досталась... Муравьи-то всѣ черныя, ихъ другъ отъ дружки, поди, и не отличишь, на видъ всѣ какъ есть, значить, равныя... Такъ-то спорили они спорили, галдѣли-галдѣли, да въ концѣ концовъ ни на чемъ и не порѣшили, а птицы тѣмъ временемъ съ муравьевъ перешли ужъ и къ яйцамъ... Вотъ, какъ бы и съ вами, господа мои милостивые, не приключилось чего-либо въ эдакомъ родѣ?... А впрочемъ, какое мнѣ, старой вѣдунѣ, до этого дѣло?..

Пясть и Доманъ улыбнулись. Яруха отвѣсивши имъ по поклону поплевалась къ женѣ Пяста промочить себѣ горло пивомъ.

Добекъ съ Доманомъ сильно пристали къ Пясту, убѣждая его отправиться съ ними на вѣче.

— Къ чему собой увеличивать счетъ, коль скоро на добрый исходъ нѣтъ надежды? — упорствовалъ Пясть.—Обойдетесь и безъ меня, я—совѣтникъ плохой...

Въ этотъ день повторилось точъ въ точъ то самое, что было и наканунѣ. Старшины, проспоровши день деньской, разошлись ничего не добившись. Лешки съ одной, Мышки съ другой стороны старались перекричать другъ друга, а дѣло не двигалось.

Поздно вечеромъ Мышко Кровавая-шея явился къ Пясту.

— Привѣтствую тебя отецъ,—проговорилъ онъ хмуро.

— Откуда это, съ вѣча?

— Да,—отвѣтилъ гость вздохнувъ.

— Что новаго?

— Пустое ведро,—усмѣхнулся Кровавая-шея: — нѣтъ воды, согласія нѣтъ. Чуть не до драки доходить: каждому хочется княземъ быть, повиноваться лишь никому не желательно.

— Ну — А ты?

— Что жъ... я? У меня, по крайности, есть основаніе, право,—замѣтилъ уклончиво Мышко.—Кто низвергъ Хвоста ненавистнаго, если не я да мои? Кто жизнью своею жертвовалъ? Чѣмъ хуже я Лешковъ или другихъ!..

— Положимъ,—отвѣтилъ Пясть—но чтожь выйдетъ изъ этого? Вѣдь эдакъ воротятся времена Лешковъ и Пепелка!..

— Да что!.. О выборѣ нечего видно, и толковать... Кто соберетъ больше людей, тотъ и провозгласитъ себя княземъ, и управленіе возьметъ въ свои руки!

— Къ чему же было тогда хлопотать о сверженіи прежняго?—удивился Пясть—онъ на этихъ именны основаніяхъ и княжилъ?

— Что же дѣлать, коли согласія нѣтъ? Да и лучше то что: нѣмцы-ли нами чтобъ правили или свой человѣкъ?

Помолчавъ немного, и, глядя въ землю, хозяинъ отвѣтилъ:

— Дѣлайте, какъ знаете, но уважайте вѣче.—Что случилось съ Пепелкомъ и Лешкомъ, можетъ легко и съ другимъ повториться...

— Я не позволю кому бы то ни было собою управлять!—воскликнулъ Мышко, поднимая съ угрозою руку вверхъ, послѣ чего не дожидаясь отвѣта, не попрощавшись съ Пястомъ, онъ сейчасъ же уѣхалъ.

На слѣдующій день на мѣстѣ двухдневнаго сборища кметовъ никого уже не было; одни воробьи, нахохлившись, злобно чирикаая, оспаривали одинъ у другого крошки отъ объѣдковъ людскихъ, словно подражая вчерашней толпѣ тоже неистово спорившей, хоть изъ за блюда и болѣе лакомаго—власти одного человѣка надъ многими!..

Пястъ сидѣлъ на крыльцѣ удивляясь людямъ, какъ это они могутъ стремиться къ тому, что въ его глазахъ было ужаснымъ бременемъ... Онъ искренно радовался своему убожеству, дававшему ему право не участвовать въ этихъ спорахъ и стоять въ сторонѣ...

Вѣче не состоялось; пріѣхавшіе на совѣщаніе друзьями разстались съ взаимною ненавистью. Особенно Мышки нажили себѣ много враговъ. Лешки зато весело потирали руки, такъ какъ многіе кметы обращались къ нимъ со словами:—Пускай лучше прежній родъ княжить, лишь бы поступалъ по закону. Наступалъ праздникъ жнитва. Старшины полагали что вторично созданное вѣче должно увѣнчаться успѣхомъ и всѣ дѣятельно готовились къ нему. Мышки собирали своихъ друзей и сторонниковъ, Лешки тоже не мѣшкали, но, въ сущности, каждый думалъ только о своихъ личныхъ выгодахъ.

Многіе не хотѣли участвовать въ предстоящемъ вѣчѣ. Другіе открыто радовались тому что князя болѣе нѣтъ,—это освобождало ихъ отъ несенія извѣстныхъ повинностей; когда же при нихъ говорили о возможномъ и скоромъ нашествіи нѣмцевъ, они отказывались этому вѣрить, утверждая, что нѣмцамъ и дома работы достаточно, да врядъ ли имъ и удастся такъ скоро устроить походъ на полянскія земли.

Между тѣмъ нѣкоторые, соображая что не трудно пріобрѣсти себѣ друзей путемъ хлѣбосольства, велѣли наполнить возы мясомъ, калачами, пивомъ и медомъ и везли все это съ собою для угощенія. Они тѣмъ болѣе рассчитывали на успѣхъ, что вѣчу предстояло собраться въ праздничный день. Такъ сдѣлали Мышки, а когда Бумиръ и его товарищи узнали объ этомъ, то также что только въ домѣ нашлось—послали на городище.

Собраніе, по численности присутствующихъ уступавшее первому, имѣло зато болѣе торжественный видъ.

Кметы внимательнѣе слѣдили за ходомъ рѣчей, стараясь больше слушать нежели говорить. Они стали опытнѣе и ловчѣ брались за дѣло.

Старый Визунъ съ длиннымъ копьемъ въ рукѣ явился какъ разъ въ то время, когда кметы уже заняли свои мѣста. Видно было что онъ усталъ,

Визунъ пользовался общимъ и исключительнымъ уваженіемъ какъ потому, что не разъ уже выказалъ умъ свой и опытность, такъ и потому, что онъ, на своемъ вѣку, много видѣлъ, побывалъ во всѣхъ земляхъ *«единого слова»*, зналъ обычаи, нравы, законы и порядки всѣхъ племенъ, широко раскинутыхъ по берегамъ Вислы, Днѣпра, Дуная, Лабы, Одера и Вѣлаго моря; ктому же онъ слылъ за мастера ворожить и умѣлъ предсказать все что должно было совершиться въ будущемъ... Многіе прибѣгали къ его совѣтамъ, хотя онъ ихъ и не охотно давалъ. Неудивительно, что всѣ обращались его появленію надѣясь, что словомъ своимъ онъ водворитъ миръ и согласіе.

Мышки и Лешки побѣжали къ нему на встрѣчу. Раньше чѣмъ приступить къ дѣлу оба рода разставили все привезенное съ собою—мясо, пиво, хлѣбъ—и пригласили всѣхъ къ приготовленной на скорую руку трапезѣ.

Визуна усадили на почетномъ мѣстѣ и началось угощеніе. Погода въ тотъ день была восхитительна; разныхъ напитковъ достаточное количество, а разъ принявшись за нихъ кметы и не замѣтили какъ прошла добрая половина дня. Визунъ все время молчалъ. Мышкамъ казалось что онъ непременно будетъ на ихъ сторонѣ, въ свою очередь Лешки ласкали себя подобною же надеждою. Всѣ обратились къ нему за совѣтомъ какъ быть и что дѣлать чтобъ добиться осуществленія завѣтной мечты.

Старикъ окинулъ взоромъ притихнувшее вѣче и началъ:

— Затѣмъ то я и пришелъ сюда, чтобы вамъ правду сказать; не я ее сочинилъ, а несу ее изъ того источника, гдѣ она зародилась. Я нарочно былъ въ вѣсколькихъ храмахъ, съ цѣлью узнать, что намъ дѣлать, чтобы кончить все мирно и бѣды себѣ не нажить. Былъ я въ храмѣ Сватовида, Радегаста, Поревита... побывалъ въ Колоберегѣ, въ Штетинѣ, въ Ретрѣ и на священномъ островѣ Рановъ, что на Черномъ пруду... Тамъ царятъ Боги, которые всѣмъ нашимъ племенемъ управляютъ: Ободритами, Вильками, Людками и Полянами... У насъ нѣтъ ни такихъ храмовъ ни такихъ боговъ, какъ тѣ, которые есть у Редаровъ и Рановъ... Я къ нимъ ходилъ за ворожбою и передамъ вамъ все то, что узналъ отъ нихъ...

Онъ остано­вился на минуту, а Мышко спросилъ:

— Какъ же пробрался ты въ Ретру?

— А кто жъ бы остановилъ безоружнаго старика?—сказалъ Визунъ.— Вильки не разъ останавливали меня на пути, но тотчасъ же и отпускали... Къ Радегасту не легко было также добраться... Храмъ стоитъ на островѣ подобномъ нашей Ледницы и построенъ на возвышеніи; въ окружающей его оградѣ трое воротъ; изъ нихъ одни никогда не открываются, такъ какъ скрываютъ за собою ходъ къ водѣ... Изображеніе бога покрыто сплошь золотомъ, корона блеститъ у него на головѣ, у подножья лежатъ оленье рога, надъ нимъ возвышается пурпурнаго цвѣта крыша, опирающаяся на расписанные столбы. Вокругъ него изображенія другихъ боговъ, всѣ въ богатыхъ кра-

сныхъ одеждахъ, вооруженные, съ мечами въ рукахъ... Къ нимъ-то я и отправился спросить о нашемъ будущемъ...

— Что жъ ты узналъ? раздались вопросы.

Визунъ опустилъ глаза.

— Долго пришлось мнѣ ждать, пока добился короткаго отвѣта: выберите покорнаго... Этого показалось мнѣ мало, я и отправился на священный островъ, что на Черномъ пруду, на Ясмундѣ, въ Реконѣ... Здѣсь вопрошалъ я Триглова и Святовида... Святовидъ сказалъ: выберите малаго. Тригловъ — выберите бѣднаго... Совѣтовался я еще съ Святовидовымъ рогомъ посредствомъ меда и тутъ получилъ въ отвѣтъ, что насъ неминуемо ждутъ война и несчастіе, если малаго не сдѣлаемъ великимъ...

Въ теченіи всей этой рѣчи, на лицахъ присутствующихъ ясно отражалось овладѣвшее ими недоумѣніе. Визунъ продолжалъ:

— То, что слышалъ я отъ боговъ, обо всемъ этомъ я и самъ раньше думалъ... Прежде всего намъ необходимы согласіе и единство во всемъ. Обошелъ я наши народы и племена, что живутъ отъ Днѣпра вплоть до Лабы, отъ синяго до Бѣлаго моря, и убѣдился, что насъ очень много, но сдѣлать-то мы ничего не умѣемъ... Одни поддались нѣмцамъ и теперь съ ними въ дружбѣ живутъ; другіе воюютъ съ своими сосѣдями-братьями; иные забрались въ лѣса и своихъ знать не хотятъ... Всякъ живетъ какъ ему вздумается... Не разъ ужъ встрѣчались наши Поляне у Рановъ съ Сербами, Людьми, Дулебами, Вильками и со многими племенами одной съ нами рѣчи; хлѣбъ вмѣстѣ ѣли, изъ одной чарки медъ пили, а на слѣдующій день не узнавали другъ друга...

У нѣмцевъ всего одинъ вождь, и лишь только они повздорятъ — онъ сейчасъ же миритъ ихъ, словно мать малыхъ дѣтей поссорившихся, за мискою; у насъ царитъ полная свобода и ради нея мы не хотимъ знать единаго властелина, а между тѣмъ дикіе звѣри могутъ насъ уничтожить... Коль скоро ужъ иначе быть не можетъ, пусть хоть наши-то земли живутъ мирно и дружно, а для этого пусть выберутъ, какъ совѣтуютъ боги, покорнаго, бѣднаго, малаго...

Молчаніе было отвѣтомъ на рѣчь Визуна. Какъ прежде каждый старался казаться великимъ, такъ теперь думалъ о томъ какъ бы стать меньше, бѣднѣе, покорнѣе. Болѣе знатнымъ кметамъ не пришлось по вкусу слова старика, смыслъ которыхъ вызвалъ ропотъ, неудовольствія.

Между тѣмъ, раздались крики нетерпѣливыхъ кметовъ:

— За дѣло! Нечемъ же хотъ разъ наконецъ!

Снова поднялся говоръ и шумъ; слова Визуна были скоро забыты. Мышки выставляли на видъ пролитую ими кровь, Лешки опирались на свое право, другіе кичились богатствомъ.

Кровавая-шея, сравнительно съ другими, счумѣлъ набрать себѣ больше сторонниковъ; самые смѣлые изъ нихъ предложили его въ князя, но лишь раздалось его имя — добрая половина участниковъ вѣча отошла въ сторону, не желая и думать о такомъ князѣ.

Тогда предложилъ кто-то одного изъ самыхъ покорныхъ Лешковъ,— предложение встрѣтило сильный отпоръ. Многие разошлись, не предвидя конца.

Солнце клонилось къ закату. Согласія по прежнему не было. Старый Визунъ стоялъ въ сторонѣ, задумчиво улыбаясь.

Вдругъ вдаль показался всадникъ, изъ всѣхъ силъ скакавшій по направлению къ столпившимся кметамъ. Кметы кинулись на встрѣчу ему. Не успѣлъ онъ еще соскочить съ коня, какъ послышался его сильный голосъ:

— Сынѡвья князя съ поморцами, кашубами, нѣмцами вступили въ наши владѣнія... Они уже перешли границу...

Всѣ стремительно бросились къ лошадямъ. Крикъ, шумъ, невообразимая суетня...

— Вотъ чего мы дождались вздора да ссорясь здѣсь!—съ досадою воскликнулъ Добекъ.—Если мы теперь разбѣжимся въ разныя стороны—неизбѣжно погибнемъ всѣ, потому насъ по одиночкѣ будутъ ловить...

Лешки отошли въ сторону и молчали. Имъ казалось не труднымъ войти въ соглашеніе съ пришельцами. Мышки, напротивъ, видимо беспокоились о своей судьбѣ. Они собрались въ одну кучу.

— На коня, кому жизнь дорога и пусть каждый людей своихъ соберетъ—кричали они—совѣщаться теперь не время... Пойдемъ имъ на встрѣчу гурьбою... Не стѣмѣемъ теперь устоять, послѣ будетъ ужъ поздно...

Добекъ прервалъ повелительно:

— По домамъ, за людьми! Идите челядь скликать... Завтра утромъ всѣмъ являться сюда съ тѣмъ, что у кого есть... Вмѣстѣ и двинемся на врага... Вечера и ночи хватить собраться съ силами! Живѣй на коня!

Всѣ еще больше засуетились и вскорѣ городище совсѣмъ опустѣло.

Ночью въ той сторонѣ, откуда ждали нашествія, на небѣ появилось широкое зарево, расплывавшееся казалось до безконечности.

На слѣдующій день еще никто не прибылъ на городище. Всѣ приготавлились къ защитѣ; у иныхъ не было даже оружія... Только на третій день, съ ранняго утра, на берегу озера стали показываться кметы съ своими дружинами. Вѣсть о вражьемъ нашествіи успѣла проникнуть въ самые отдаленные уголки; изъ нихъ также явились кметы ведя за собою людей.

Не спрашивая ничего согласія, Добекъ, который первый прибилъ на городище, распоряжался какъ вождь. Никто не осмѣлился отказать ему въ повиновеніи. Онъ впрочемъ обладалъ такою силою, такимъ громаднымъ вліяніемъ, что въ случаѣ отказа стѣмѣлъ бы заставить молчать непокорнаго.

Тогдашнее вооруженіе полянъ едва достойно этого слова. Поляне не любили войны и хищниками никогда не были; они спокойно занимались хлѣбопашествомъ. Необходимость защиты принудила ихъ подумать о вооруженіи, но оно было крайне бѣдно.

Желѣзное оружіе имѣли весьма лишь немногіе, тоже и относительно мѣднаго; по большей части каменные молоты и топоры, луки, пращи и палки составляли все ихъ вооруженіе. Кусокъ древесной коры замѣнялъ собою желѣзный панцырь, а щитъ покрытый одною или двумя звѣриными шкурами

считался уже украшеніемъ, роскошью. Сѣкиры и ножи, у кого они были, привязывались къ кушаку или къ сѣдлу.

Слуги и челядь шли пѣшкомъ; одни только старшины, кметы да старшіе изъ дружинниковъ были на лошадяхъ. Всадники, ради защиты, на колпакъ свой надѣвали металлическое кольцо, а на плечи металлическіе круги.

Каждая семья предводительствовала своею дружиной, не отличавшейся особеннымъ расположеніемъ къ войнѣ, тѣмъ менѣе къ выполненію приказаній. Угрозами и страхомъ приходилось сдерживать ихъ. Добекъ осматривалъ полчища, собиралъ ихъ, устроивалъ, а непокорныхъ палкою заставлялъ молчать и повиноваться. Разъ принявшись за дѣло, онъ до тѣхъ поръ не ѣлъ, не пилъ, не спалъ, пока не приводилъ все въ порядокъ. Добекъ любилъ воевать; онъ только тогда дышалъ свободно и бывалъ доволенъ собою, когда сидѣлъ на лошади вооруженный копьемъ. Глаза его смѣялись тогда, губы отъ восторга дрожали.

Вечеромъ, Добекъ во все концы разослалъ отборныхъ, ловкихъ людей, съ цѣлью развѣдать гдѣ находятся въ данную минуту враги. Лишь добывъ объ этомъ точныя свѣдѣнія, онъ намѣревался тронуться съ мѣста своими силами. Дожидаясь посланныхъ, онъ отступилъ нѣсколько отъ озера и расположился лагеремъ въ лѣсу, чтобы дымъ и огонь костровъ не навелъ невзначай на него непріятеля.

ГЛАВА XXX.

осланные вернулись съ извѣстіемъ что нѣмцы съ каждымъ часомъ подступаютъ все ближе. Ихъ даже видѣли издали, сосчитать только было трудно. А нѣмцы, дѣйствительно, шли впередъ, уничтожая все на своемъ пути: людей забирали въ плѣнъ, дома предавали огню, захватывая съ собою все, что удобно было нести; послѣ нихъ оставались груды развалинъ и пепла.

Защиты нельзя было откладывать: каждый день стоилъ жизни громадному числу мирныхъ кметовъ съ семействами, не говоря уже объ имуществѣ, расхищаемшемся и гибнущемъ отъ огня. Къ сожалѣнію дружину пугали страшныя полчища вооруженныхъ нѣмцевъ, съ которыми трудно было бороться. Въ виду всего этого Добекъ рѣшился напасть на врага ночью, когда тотъ расположится для отдыха.

Предводительствуемые Добекомъ кметы, съ своими дружинами, тронулись въ путь лѣсомъ. На второй день пути, въ глухой чащѣ, встрѣтилось имъ большое количество женщинъ, стариковъ, дѣтей и больныхъ, успѣвшихъ укрыться здѣсь со всѣмъ своимъ скарбомъ отъ наступавшаго непріятеля. Отъ нихъ-то узнали, что много народа захвачено въ плѣнъ и что во главѣ поморцевъ находятся Лешекъ и Пенелекъ, которые, опьяненные местию, безжалостно вѣшаютъ каждого попавшагося имъ въ руки кмета.

Плачь бѣдныхъ женщинъ, дѣтскіе стоны, унылый видъ стариковъ хотя и напугали дружину, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбудили въ ней жажду возмездія.

Онъ сидѣлъ со связанными руками, а передъ нимъ на лошади лежало тѣло молодой жены (стр. 291)

Несчастные бѣглецы рассказали, что своими глазами видѣли много людей, съ ногъ до головы покрытыхъ желѣзомъ, съ каменными щитами въ рукахъ, отъ которыхъ стрѣлы, отскакивали не причиняя имъ никакого вреда. За этими щитами нѣмцы чувствовали себя какъ за каменною стѣною.

Добекъ обрадовался узнавъ, что враги, послѣ каждаго нападенія на хижину кмета, всегда напивались пьяными и потомъ засыпали крѣпчайшимъ сномъ... Случись напасть на нихъ во время подобнаго состоянія—расправа оказалась бы крайне не трудною.

Одинъ старикъ предложилъ провести изъ ближайшимъ путемъ къ непріятелю. Добекъ съ дружинами оставался въ лѣсу до заката солнечнаго; двинулись съ мѣста лишь позднимъ вечеромъ. Ночь была безлунная, небо покрывлось тучами...

Долго шли по самому краю лѣса. Наконецъ, вдали показались гаснувшіе костры.

Нетерпѣливо поскакалъ Добекъ впередъ, желая по числу ихъ составить себѣ хотя приблизительное понятіе о количествѣ непріятеля, но костровъ было такъ много, что Добекъ усталъ считать; къ тому же ему хотѣлось какъ можно скорѣе кинуться въ битву.

Лагерь поморцевъ, хотя бы у нихъ нашлось и не много вещей, похищенныхъ у кметовъ, все-таки представлялъ лакомую добычу для дружины Добека. Поморцы были народомъ, каждый членъ котораго одновременно совмѣщалъ въ себѣ и воина и торговца; въ странѣ ихъ можно было встрѣтить все, что только производилъ тогдашній міръ.

Въ Винедѣ они мѣняли свой мѣхъ и янтарь на желѣзо, тамъ же доставали мечи, сукна и другіе товары, привозимые въ Винеду купцами съ юга, запада и востока. Хотя поморцы все еще говорили на славянскомъ нарѣчій, но сердца у нихъ были нѣмецкія. Ради добычи, они готовы были служить каждому, жечь, убивать хотя бы и братьевъ родныхъ. Звѣрская дикость и жадность были единственными ихъ двигателями.

Теперь они лежали у костровъ и отдыхали послѣ цѣлаго ряда убійствъ, сожженія безчисленнаго множества домовъ. Подъ защитою лѣса, озера и окружающихъ ихъ болотъ, они считали себя вполне безопасными. Часовыхъ не было. У огня въ небольшихъ котлахъ варился ужинъ; мечи и щиты лежали безпорядочно сложенными на землѣ. Снявъ кушаки, желѣзные покровы и шишаки поморцы отдыхали отъ кровавыхъ трудовъ.

Лежа они громко пѣли; пѣснямъ ихъ вторили ужасные крики и стоны.

Дикіе воины жестоко обращались съ женщинами и дѣтьми, которыхъ, поймавъ уводили съ собою. Вблизи видна была толпа людей связанныхъ по рукамъ и по ногамъ: несчастные казались истерзанными, голодными, никто не бросилъ имъ даже куска черстваго хлѣба. Женщины держали на рукахъ мертвыхъ своихъ дѣтей... Живые и мертвецы—все было здѣсь перемѣшано... Ужасное зрѣлище!..

Подбравшись ближе и ближе къ отдыхающему врагу, люди Добека, среди плѣнниковъ, узнавали своихъ—это бѣсило ихъ, они закипѣли гнѣвомъ.

Немного поодаль виднѣлась ставка кашубовъ и нѣмцевъ, вооруженіе которыхъ было гораздо слабѣе. Саксонцы расположились совсѣмъ въ сторонѣ. Они окружали небольшой холмъ, на которомъ въ шалашѣ отдыхали Лешекъ и Пепелекъ.

У полянъ было довольно времени для того, чтобы внимательно разсмотрѣть враговъ. Тѣ изъ нихъ, что лежали у самаго лѣса, крикомъ своимъ заглушали шаги приближавшихся къ нимъ полянъ. Теперь всего лишь небольшое пространство отдѣляло Добекову дружину отъ становища поморцевъ. Уяснивъ себѣ достаточно расположеніе послѣдняго, Добекъ велѣлъ своимъ людямъ, прежде чѣмъ напасть на враговъ, окружить ихъ со всѣхъ сторонъ, чтобы такимъ образомъ не допустить никого спастись бѣгствомъ.

Все устроилось, согласно желанію вождя; съ одной только стороны нельзя было окружить поморцевъ, иначе они открыли бы преждевременно угрожающую имъ опасность.

По приказанію Добека, одна изъ дружинъ должна была немедленно подобраться къ плѣннымъ и разрѣзать имъ пути; предполагалось что и они въ состояніи будутъ оказать посильную помощь.

Когда все было какъ слѣдуетъ подготовлено, Добекъ съ мечемъ въ рукѣ сталъ во главѣ своей собственной дружины и велѣлъ трубить въ рогъ—условный сигналъ, что время броситься на враговъ.

Поморцы хотя и услышали этотъ звукъ, но имъ показалось, что кто-нибудь изъ своихъ трубить; они не тронулись съ мѣста.

Вдругъ изъ лѣсу выбѣжали поляне, и кинулись на поморцевъ какъ разъ въ то время, когда послѣдніе еще не успѣли хватиться за оружіе.

Ужасный крикъ огласилъ воздухъ, крикъ одновременно вырвавшійся изъ тысячи грудей... Началась ужасная рѣзня.

Освобожденные плѣнные, даже женщины, душили недавнихъ мучителей... Тѣ только изъ враговъ, которые отдыхали по ту сторону дуга, успѣли приветать и вооружиться; но среди царившей суматохи они толпою бросились бѣжать, кто въ лѣсъ, кто къ озеру — хотя отовсюду являлись кметы нанося смертельные удары.

Однако къ холму, гдѣ стояли князья со своей дружиной, не такъ-то легко оказалось пробраться. Нѣмцы, замѣтивъ что поморцы въ опасности, бросились было къ нимъ на помощь, но опоздали. Поморцы одинъ за другимъ падали подъ ударами дружины храбраго Добека. Нѣкоторые изъ нихъ укрывались въ кустахъ, уходили въ лѣсъ, чтобы тамъ умереть. Оставшіеся еще въ живыхъ громко просили пощады. Подобная же участь постигла кашубовъ, изъ которыхъ лишь небольшой кучкѣ удалось воспользоваться быстротой своихъ ногъ. Одни только нѣмцы еще оставались на лугу. Окруживъ Лешека и Пепелека, они замыслили искать спасенія въ бѣгствѣ. Темная ночь помогла имъ въ этомъ. Добекъ бросился было за ними въ погоню, но они такъ быстро бѣжали, что догнать ихъ не представлялось возможности.

Добекъ вернулся назадъ, утѣшая себя надеждой, что ничтожной горсти нѣмцевъ все равно неизбежно прійдется погибнуть или отъ голода или отъ

руки кметовъ. Побѣда полянъ была полная и около полуночи разыгрывалось уже послѣднее дѣйствіе кровавой драмы. Веселыя, неумолкаемыя пѣсни звонко раздавались въ мягкомъ воздухѣ ночи. Торжествующій Добекъ, расположившись подъ дубомъ, наблюдалъ за исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній: раскинуть ставку, зажечь костры, а трупы убитыхъ, сложивъ въ одну кучу, предать огню.

Слуги немедленно принялись за работу: тѣла побѣдителей кидали въ огонь, тѣла побѣжденных—въ озеро. Послѣ этого начался осмотръ плѣнныхъ, которыхъ, несмотря на строгій приказъ не щадить враговъ, все же набралось болѣе ста человѣкъ. Крѣпко связанные, рядами лежали они на землѣ. Когда среди нихъ проходили Добекъ, Волько-Каня и Людекъ,—сынъ Виша, то послѣдній замѣтилъ въ сторонѣ, словно притаившагося, скрученного веревками, рыжаго человѣка, показавшагося ему знакомымъ. Сейчас же вѣрно было подтащить плѣнника ближе къ огню и какъ только лицо его освѣтилось, Людекъ воскликнулъ:

— Вотъ кто, должно быть, привелъ ихъ сюда! Онъ давно ужъ старался разузнать всѣ пути, ведущіе къ намъ! Я знаю его: это нѣмецъ—по имени Хенго. Онъ притворялся торговцемъ, ходилъ по селамъ, ѣлъ нашъ хлѣбъ, а теперь вотъ и навелъ на насъ своихъ братьевъ—нѣмцевъ...

Добекъ коротко приказалъ:

— Повѣсить его!

Людекъ однако вступился за рыжаго, говоря:

— Нѣтъ, лучше отдайте мнѣ нѣмца! Я его буду употреблять замѣсто вола; онъ будетъ пахать мою землю,—силища у него необъятная... Пусть живетъ; онъ бывалъ моимъ гостемъ, такъ теперь мнѣ не стать смотрѣть какъ его будутъ вѣшать...

Хенго припалъ къ ногамъ Людека, моля о пощадѣ. Онъ клялся, что князя силою принудили его сопровождать ихъ, что онъ неповиненъ въ измѣнѣ. Хотя ему не повѣрили, все же желаніе Людека было уважено и плѣнника увели обратно.

Между тѣмъ, побѣдители ликовали. Костры трещали веселымъ пламенемъ—ночь превратилась въ день. Лѣсъ, подъ вліяніемъ фантастическихъ переливовъ свѣта, сочувственно, казалось, кивалъ своими верхушками а огромные столбы дыма торжественнымъ оймѣмомъ высоко поднимались къ небу.

Въ котлахъ варили ужинъ; старшины, вспоминая эпизоды минувшей битвы, перевязывали свои раны, а дружина тѣмъ временемъ собирала и раскладывала добычу.

Въ одно мѣсто клали щиты, въ другое мечи, одежду, копья. Было чѣмъ поживиться, такъ какъ хищники всегда носили съ собою много цѣнныхъ вещей. Давно не видали поляне столь роскошной добычи. Дружина была въ восторгѣ.

Теперь всѣ и думать забыли о преслѣдованіи немногихъ, успѣвшихъ бѣжать, кашубовъ и нѣмцевъ. Кметы утверждали хвастливо, что едва ли князя посмѣютъ вторично напасть на полянскую землю, и что поморцы

съ кашубами навѣрно не согласятся имъ помогать, а нѣмцы-то и подавно—экую даль снова тащиться сюда!

Въ лагерѣ вдругъ оказалось всего въ избыткѣ: непріятель имѣлъ обычай таскать за собою похищенный скотъ, награбленныя бочки меда и пива. Теперь было вдоволь и мяса и пьяныхъ напитковъ. Пиръ затянулся до поздняго утра.

Подъ конецъ наши воины такъ обезсилѣли отъ безчисленныхъ возліній въ честь бога побѣды и такъ беззаботно отдались веселью, что догадайся нѣмцы съ кашубами воротиться—навѣрно-бъ ушли побѣдителями.

Солнце было ужъ высоко, когда пировавшіе начали просыпаться. Голодъ заставилъ ихъ вспомнить про мясо и пиво и прерванный праздникъ возобновился, продолжаясь до самой ночи. Ночью нельзя было трогаться съ мѣста, пришлось по прежнему ожидать до слѣдующаго утра.

Вечеромъ того дня Людекъ велѣлъ привести къ себѣ Хенго. Сжалившись надъ нимъ, онъ приказалъ его накормить, а затѣмъ вмѣстѣ съ Добекомъ началъ допрашивать. Оба кмета подозрѣвали, что нѣмцу извѣстно значительно больше того, что онъ говорить. Несмотря однако ни на какія угрозы, онъ разсказалъ только, что дѣдъ сыновей Пенелка, жившій за Лабою и имѣвшій сильную рать, изъ мести за дочь свою, равно съ цѣлью помощи внукамъ, способенъ рѣшиться на все; что молодые князья оба настойчивы, храбры, а потому, если имъ не удастся вернуть свои земли, они всю свою жизнь будутъ беспокоить полянъ. Хенго намекнулъ и на то, что съ молодыми князьями не трудно добиться и мира, когда бы объ этомъ серьезно подумать.

По окончаніи вопроса Хенго былъ уведенъ. Добекъ собралъ старшинъ и съ ними совѣтовался о томъ, что лучше теперь предпринять — идти ли войной на поморцевъ, или же разойтись по домамъ? Подъ вліяніемъ недавней побѣды старшины охотно пошли бы на самый край свѣта! Они отвѣчали совѣтомъ немедленно двинуться на границу и по меньшей мѣрѣ пугнуть поморцевъ. И такъ, рѣшено было чуть свѣтъ тронуться въ путь. Людекъ и Доманъ получили приказаніе забрать плѣнныхъ съ собою для раздачи ихъ кметамъ.

На слѣдующій день раннимъ утромъ предводительствуемая Добкомъ дружина собиралась въ походъ. Ставка снята была съ мѣста, всадники сѣли на лошадей, пѣшіе сходились въ кучу. Челядь Людека, которой приходилось вести плѣнныхъ поморцевъ, лишь съ помощью кнутовъ и палокъ, подняла ихъ на ноги. Ужасное представляли зрѣлище эти дикари, нехотѣвшіе подчиниться неумолимой, выпавшей на ихъ долю судьбѣ: они рвали, кричали, проклинали своихъ мучителей до тѣхъ норъ, пока обезсиливши, не принуждены были покориться. Хенго — Людекъ самъ велъ на веревкѣ, опасаясь, что хитрый нѣмецъ съумѣетъ уйти.

Въ то время, когда Добекъ съ дружиной направлялся къ границѣ, Вишовъ сынъ съ плѣнными возвращался домой. Въ каждой хижинѣ онъ остав-

лялъ по нѣскольку поморцевъ, чему хозяева были рады, такъ какъ приходилось вскорѣ приниматься за жатву.

Людека—сына Виша повсюду встрѣчали съ восторгомъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ исходъ непріятельскаго вторженія былъ еще не извѣстенъ. Съ любопытствомъ сбѣгались люди взглянуть на мало-извѣстныхъ разбойниковъ, выругать ихъ и ударить. Оставляемыхъ моментально связывали, предупреждая тѣмъ покушеніе къ бѣгству.

Старшины однако начинали завидовать удачамъ Добека, опасаясь, что онъ, находясь во главѣ сильной и преданной ему дружины, захочетъ занять мѣсто свергнутаго Хвостека.

На всѣхъ легла какая-то тѣнь недовольства; все чаще слышались повторенными слова Визуна: «слѣдуетъ избрать покорнаго, бѣднаго, малаго».

Мышки и Лешки, по прежнему, начали ѣздить по дворамъ, стараясь приобрести друзей. И тѣ и другіе частенько такі останавливались у хижины Пяста, требуя отъ него совѣта, да за одно упрекая въ томъ, что больше выказываетъ любви къ пчеламъ, чѣмъ къ общему дѣлу, отъ котораго до сихъ поръ постоянно сторонится.

Старикъ улыбался.

— Еслибъ я могъ хоть въ чемъ нибудь быть вамъ полезнымъ—говаривалъ онъ—я бы охотно трудился на общую пользу. Но чтожъ я-то, бѣдный, сдѣлаю, если такіе вліятельные, богатые люди какъ вы, ничего еще не могли достигнуть. По моему, въ данномъ случаѣ, вѣрнѣе всего ожидать помощи отъ боговъ. Легче вѣдь свергнуть злаго, чѣмъ замѣнить его добрымъ.

Лешки сторонниковъ не имѣли; всѣ боялись, что при переходѣ власти въ ихъ руки, они способны мстить за прошедшее. Мышковъ не менѣе избѣгали, опасаясь съ ихъ стороны преслѣдованія въ будущемъ тѣхъ лицъ, которые въ настоящее время не желаютъ ихъ видѣть во главѣ народа. Побѣда позволила всѣмъ отдохнуть и собраться съ силами для новаго вѣча.

Богатые кметы заранѣе предчувствовали, что ихъ уже не будутъ, какъ прежде, прочить въ князья. Слова Визуна крѣпко застѣли въ умахъ; всѣ только и думали, какъ бы избрать такого, который будучи малымъ и покорнымъ, въ тоже время умѣлъ бы быть благодарнымъ за оказанную ему честь. Дѣло все заключалось лишь въ томъ, гдѣ найти подобнаго человѣка.

О комъ ни подумаютъ—сейчасъ же окажется, что у него больше враговъ, чѣмъ друзей.

ГЛАВА XXIV.

ользуясь временно наступившимъ затишьемъ и отдыхомъ, Доманъ началъ приготовляться къ свадьбѣ. Ему хотѣлось устроить ее на славу, къ тому-жъ и старикъ, Милинъ отецъ, выдавая дочь за богатаго кмета, не прочь былъ похвастать, что въ состояніи угостить даже большое количество званныхъ гостей.

Доманъ началъ съ того, что, блп-стательно разодѣвшись, въ сопровожденіи слугъ въ праздничныхъ нарядахъ, ѣздилъ отъ одного двора къ другому, приглашая дружекъ.

По дорогѣ, когда онъ очутился передъ Вишевой хижиной — сердце у него сжалось невольно—вспомнилась Дива.

Людека не было дома; онъ съ своими людьми поспѣшилъ за Добекомъ; младшій братъ одинъ остался хозяйничать.

Остановившись у воротъ, Доманъ протянулъ руку хозяину.

— Я женюсь—проговорилъ Доманъ:—не откажите быть дружкой моимъ...

— Охотно—отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Радуюсь, что вамъ наконецъ удалось забыть нашу сестру...

Доманъ пристально посмотрѣлъ на него и какъ-то невесело засмѣялся:

— Не думайте—продолжалъ онъ:—чтобы я могъ гдѣ нибудь найти такую какъ ваша... Просто, увлекся наружностью... Невѣста моя молода и красива!... Я беру въ жены дочь Мирша, что надъ Ледницею живетъ... Какое мнѣ дѣло, богата она иль бѣдна!.. Глаза у нея такіе смѣющіеся, авось развеселятъ и меня... Теперь я, что-то мрачно смотрю на людей...

Вотъ, садитесь на лошадь... Поѣдемте вмѣстѣ, будьте братомъ моимъ... Пускай всѣ знаютъ, что я мстить не намѣренъ и что мы по прежнему остались друзьями.

Они протянули другъ другу руки, съ минуту еще поболтали и Доманъ уѣхалъ... Въ Вишевой хижинѣ новая вѣсть эта порядкомъ таки удивила женщинъ. Живя, стоявшая тогда у огня, вспыхнула вся, опустивши глаза. Она быть можетъ втайнѣ мечтала, что Доманъ возьметъ ее. Съ тѣхъ поръ какъ не стало матери и отца, дома все ей опостылѣло... Жены братьевъ мало оказывали ей уваженія, братья же ни во что не вступались... Она съ радостью вышла бы за Домана, но увы,—онъ другую бралъ. Видно судьба ужъ такая...

Миршъ совсѣмъ позабылъ о своихъ горшкахъ среди свадебной суетни. Дочь не давала ему ни минуты покоя, столько всякихъ вещей и бездѣлокъ ей отъ него было нужно. Миршъ ничего не жалѣлъ.

Медъ давно ужъ былъ приготовленъ; теперь какъ разъ заварили пиво, и хмѣль въ него сыпали щедрой рукою. Старая пѣсня, вспоминая о немъ, говорила, что хмѣль—шалунъ: «изъ дѣвицъ дѣлалъ замужнихъ женщинъ»; потому-то на свадебныхъ пирахъ его столько и требуется.

Барановъ, козлятъ, кабановъ—всего запасено было въ изобиліи. Сухая просѣянная мѣла стояла наготовѣ.

Какъ-то однажды въ дверяхъ показалась Яруха. Миршъ былъ у своей печи надъ озеромъ. Старуха должно быть съ умысломъ выбрала именно то время, когда знала, что можетъ Милю застать одну. Она уставилась на красавицу, и при этомъ такъ улыбнулась, что лицо ея стало похоже на грибокъ, послѣ того, какъ его раздавили ногою.

— А что, Миля?—начала она.—Теперь, вѣдь, не скажешь, что Яруха все вреть? Такъ ли, аль нѣтъ? Иль мое зелье не дѣйствуетъ?.. Дай-ка мнѣ пива, а то въ горлѣ совсѣмъ пересохло...

Миля покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и побѣжала за пивомъ. Старуха межъ тѣмъ присѣла на корточкахъ у дверей, мѣшокъ свой на полу положила, вынула изъ него ломоть хлѣба и съ видимымъ удовольствіемъ приняла изъ рукъ проворной красавицы любимый напитокъ.

— Вотъ видишь—шептала старуха:—дала я тебѣ жупана, теперь госпожей будешь.... а еслибъ не я, да не зелье... ого!.. иль никогда бы тому не бывать, иль ужъ навѣрно не скоро... А ты то помни, что старья бабы и молодыцамъ подчасъ нужны бываютъ... Ворожить, притянуть, оттолкнуть... Мы все это можемъ... Онъ будетъ тебя, конечно, любить,—ну, а если у него окромя тебя и другія найдутся,—всѣ онѣ будутъ твоими служанками. У богатыхъ людей—женщинъ не сосчитать, да тебѣ-то какое до этого дѣло?..

Миля, вспыхнувъ, закрыла лицо руками.

Теперь, когда она была у желанной цѣли, ея овладѣло какое-то безпокойство, чего-то она боялась. Такъ вѣдь легко досталось ей все! Невольный страхъ заползалъ въ грудь красавицы.

Яруха тѣмъ временемъ тянула пиво да головою потряхивала, не дожидаясь...

даясь отвѣта. Осушивъ кубокъ, старуха подала его Милѣ, которая, снова наполнивъ его, возвратила Ярухѣ. Вѣдьма залпомъ проглотила напитокъ.

— Въ честь Триглова, Миля—проговорила старуха:—дай еще третій кубокъ... Тогда и отправлюсь въ дорогу. Ноги вотъ у меня что-то слабнуть начали... Волей неволей приходится пить сперва на одну ногу, потомъ на другую, да и на руку, которая держитъ палку, потому она все равно что третья нога...

Яруха, смѣясь, затинула веселую пѣсню.

— О! о! что это они здѣсь натворили, что натворили на бѣломъ свѣтѣ!—вдругъ заговорила она печальнымъ голосомъ.—Князь и бѣлая княгиня... оба... пошли къ отцамъ безъ костра, безъ поминокъ! А мнѣ ихъ жаль... у столба теперь никого нѣтъ! Лишь трава тамъ растетъ, ничего-то больше!.. Княгиня знала, что дѣлать съ травою... Носила я ей всякія зелья... Она за это два, а не то и три дня приказывала ѣсть мнѣ давать, да холста кусокъ, да сукна немного... Правда, князь иногда натравливалъ на меня собакъ, потому онъ старуху ненавидѣлъ, но меня ни одинъ песъ не укуситъ!.. Сейчасъ же взбѣсился бы... Теперь у столба—камни, пепель и уголь!.. Сороки прыгаютъ, вѣроны каркаютъ и кричатъ... мѣстами кости бѣлѣютъ... Жаль княжескаго дома, жаль!

Она выпила третій кубокъ и снова повеселѣла; поднялась было съ мѣста, но не могла устоять на ногахъ. Миля поддержала ее. Яруха простилась съ красавицей и поплелась по дорогѣ.

— О, зелье мое золотое! Любчикъ мой!—раздавался долго еще ея хриплый голосъ. — У тебя такое чудное свойство: князь или рабъ, тебѣ все равно,—хватаешь за сердце каждаго... Ой, любчикъ мой, зелье мое, проси же меня на свадьбу!

Никого не спрашивая и конечно не получивъ приглашенія, Яруха дала себѣ слово явиться на свадьбу.

Доманъ по обычаю прислалъ къ Миршу сватовъ. Какъ только назначенъ былъ свадебный день, сейчасъ же сняли колесо съ большого шеста, стоявшаго передъ домомъ, въ знакъ того, что молодцу разрѣшалось увезти отсюда красавицу, если отецъ даетъ на то свое родительское согласіе.

Миля выбрала себѣ шесть подругъ, которыхъ не постыдилась бы даже княжна: всѣ онѣ были молоды, веселы и такія крали, что просто чудо!

У Домана тоже было шесть друзей: все сыновья именитыхъ кметовъ, красавцы и молодцы, какихъ рѣдко сыскать!..

Въ хижинѣ Мирша хозяйничало теперь несмѣтное количество женщинъ, всѣ въ бѣлыхъ одеждахъ. Сестра Мирша замѣняла невѣстѣ мать.

Но, какъ это часто бываетъ передъ свадьбою — несмотря на общее оживленіе, окружающее веселье—Миля, которая только о томъ и мечтала какъ бы ей выйти замужъ за кмета, чего-то вдругъ загрустила и стала задумываться; также и Доманъ, хотя и по прежнему находилъ что суженая вполне красавица, но самъ на себя сердился за то, что сердце его тянуло куда-то въ другую сторону.

Ему сдѣлалось жалко и Мили и самого себя.

Что дѣлать... слова назадъ не возьмешь! Свадьбѣ должно состояться, о ней ужъ давно всѣмъ объявлено!

Старикъ Миршъ, не противясь судьбѣ, тѣмъ не менѣе мрачно смотрѣлъ на всѣ хлопоты. Братья одни высказывали сомнѣніе:

— Мы бы охотнѣе отдали ее за своего человѣка, за гончара, — говорили они... — Кто знаетъ, какая судьба ее ожидаетъ и сколько у него женщинъ?

Наканунѣ вѣнчальнаго дня, все было ужъ приготовлено. Хижина заново выбѣлена, полъ вымытъ и выметенъ, посыпанъ зеленью; у дверей повѣсили много вѣнковъ, всѣ горшки поставили новые. Около невѣсты, согласно обычаю — печальной и хмурой, вертѣлись ея подруги и разодѣтая посаженная мать, подобно названной дочери — не веселая. Въ этотъ послѣдній день Милю нарядили въ самое тонкое полотно, облекли въ самое красивое платье, на рукахъ у нея блестѣли кольца, подаренныя ей отцомъ. Дѣвичьи косы, въ послѣдній разъ заплетенныя, украшали ея восхитительную головку.

Въ хижинѣ раздавались съ самаго утра пѣсни, ни на минуту не умолкавшія, потому что каждый часъ этого дня долженъ былъ быть почтенъ особою пѣсней.

Еще до прибытія жениха, стали готовить тѣсто, изъ котораго слѣдовало испечь свадебный коровай. Очагъ пылалъ яркимъ огнемъ.

Дѣвушки окружили большой горшекъ, заключавшій тѣсто, въ которое высыпали семь мѣрокъ муки, бѣлой какъ снѣгъ, столько же чарокъ золотистаго меда и воды ключевой, а за каждой мѣркою муки или чаркою меда раздавалась новая пѣсня, объяснявшая ихъ значеніе. Подъ тактъ этихъ пѣсней красавицы мѣсили тѣсто, а затѣмъ принялись плясать вокругъ символическаго горшка, послѣ чего ужъ начали лѣпить коровай. Коровай этотъ почитался священнымъ, потому что его приносили въ жертву богамъ... На немъ обыкновенно изображали дѣвичью косу, птичекъ, зеленныя вѣтки, красныя ягодки, молодые побѣги, — все эмблемы дѣвичьей молодости, веселья, свободы, которымъ наступалъ конецъ въ этотъ день; начиналась жизнь трудовая, полная слезъ и печалей, и одной лишь любви предоставлялось ее скрашивать и разнообразить.

Когда коровай былъ готовъ — его торжественно поднесли къ очагу, чтобы онъ запекся; туда же кидали и выдѣланныхъ изъ тѣста птичекъ — все это въ честь божества жизни — Живн.

По окончаніи описаннаго обряда, невѣсту посадили на ульѣ, покрытомъ платками, а подруги ея затаили печальную пѣсню прощанія; въ пѣснѣ описывалась вся жизнь красавицы, тоска за роднымъ угломъ, за колодцемъ, за садикомъ, въ которомъ цвѣли цвѣты, за братьями, за отцемъ и матерью, за золотыми весенними днями.

Пока расплетали ей косы — Миля горько рыдала.

Домана еще не было; его ожидали съ минуты на минуту... Въ отсут-

ствіи жениха братъ невѣстинъ занималъ его мѣсто по праву опекуна и защитника.

Уже вечерѣло, когда на дорогѣ послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей... Подруги Милены выбѣжали изъ избы и сейчасъ же вернулись, ударяя въ ладоши:

— Мѣсяцъ ѣдетъ, мѣсяцъ молодой!

Въ этотъ день Доманъ былъ мѣсяцемъ; шесть молодыхъ всадниковъ окружали счастливца: всѣ были въ пухъ и прахъ разодѣты.

Несмотря на замѣтную блѣдность, женихъ казался красивѣе всѣхъ. Одежда его поражала богатствомъ. Сидѣлъ онъ верхомъ на бѣлой лошади съ длинною гривой. Конь былъ покрытъ краснымъ сукномъ, на лбу у него блестѣли яркія украшенія. Кушакъ Домана весь былъ унизанъ металлическими кольцами, на груди выдѣлялись узорныя запонки; острый мечъ, колющій перомъ и цѣпочкою дополняли убранство.

Завидѣвъ невѣстинъ домъ, всадники пустили лошадей своихъ вскачь и, примчавшись къ порогу, такъ внезапно и шумно ихъ осадили, что казалось окрестность вся задрожала.

Сначала женщины не позволяли прибывшимъ входить въ избу, дѣлая видъ, что принимаютъ ихъ за враговъ и разбойниковъ, задумавшихъ похитить чужое добро. Они принуждены были просить, объясняться, а въ концѣ концовъ дать большой выкупъ. Тогда только имъ позволено было переступить порогъ. Доманъ привезъ съ собой чрезвычайно много подарковъ и когда развязалъ красный платокъ—изъ него къ ногамъ невѣсты посыпались такія чудныя вещи, что глаза женщинъ заискрились. Чего—чего только не было тутъ? Кольца, запонки, гребни, шпильки, много серебряныхъ денегъ, кушаки, разноцвѣтныя ленты. Всѣ эти вещи можно приобрѣсти было развѣ только въ Винедѣ, куда не всякій умѣлъ находить дорогу. Въ числѣ подарковъ особенно выдѣлялись: золотой кубокъ и какой-то сосудъ изъ прозрачнаго камня, которому всѣ не могли надивиться, такъ какъ на первый взглядъ онъ казался сдѣланнымъ изъ льда, между тѣмъ — отъ солнца не таялъ.

Своими подарками женихъ приобрѣлъ право на первое мѣсто вблизи невѣсты, которое братъ ея долженъ былъ ему уступить. Сейчасъ же послѣ того, изъ сосѣдней избы, вынесли праздничный коровай и зеленую свадебную вѣтвь, всю разукрашенную лентами, блестками, перьями. Къ вѣткѣ было привязано полотенце, вышитое красными нитками.

Хижина Мирша вскорѣ была ужъ биткомъ набита народомъ, въ числѣ котораго виднѣлись два старика: гусларь и товарищъ его съ кобзою, приглашенные повеселить молодежь. Миршъ угощалъ всѣхъ; братья невѣсты разливали пиво и медъ, заготовленные въ большомъ количествѣ. Въ избѣ скоро не осталось мѣстечка не занятымъ. Поэтому молодежь вышла плясать на дворъ, а на крыльцѣ устроились гусларь съ своимъ спутникомъ.

Пѣсни слѣдовали за пѣснями, безъ перерыва почти.

Доманъ сидѣлъ рядомъ съ своею невѣстою, любуясь ея красотою, а она все какъ будто чего-то боялась... Сердце у ней крѣпко, крѣпко билось въ груди. А вѣдь въ тѣ дни, когда она лишь о томъ мечтала, какъ бы, обернувшись птичкой, улетѣть въ широкую даль — о подобномъ чувствѣ она и понятія не имѣла! Откуда же являлись теперь это предчувствіе, эта боязнь?..

Доманъ разсѣянно вертѣлъ въ рукахъ кушакъ, молчалъ, дѣлая видъ, что улыбается, но гдѣ его мысли блуждали о томъ никому вѣдомо, не было.

Дружки, между тѣмъ, пѣли приличные случаю пѣсни.

Такъ прошла ночь. Съ восходомъ солнца всѣ двинулись на городище, къ священнымъ дубамъ; старикъ — отецъ долженъ былъ тамъ благословить новобрачныхъ. Дружки сѣли на лошадей, невѣсту помѣстили въ телѣгъ убранной, краснымъ сукномъ и разукрашенной цвѣтами. Вслѣдъ за ними слѣдовали подруги новобрачной, гости и толпа любопытныхъ.

Подъ тѣнью стараго дуба молодые по очереди обходили всѣхъ, у каждаго прося благословенія. Потомъ, взявши другъ друга за руку, дѣлились они калачемъ, пили изъ одной кружки, а на головы имъ надѣли вѣнцы; семь разъ обошли они вокругъ стараго дуба и отецъ трижды обсыпалъ ихъ зерномъ.

Обрядъ, въ теченіи котораго пѣсни не умолкали, окончился принесеніемъ жертвы богамъ, съ цѣлью отклонить злыя чары, послѣ чего всѣ, въ прежнемъ порядкѣ, вернулись обратно въ Миршову хижину.

Тутъ сейчасъ же невѣстѣ расплели косу, остригли ее, а на голову прикрѣпили чепецъ. Какъ только этотъ символъ замужней женщины замѣченъ былъ молодою — изъ глазъ ея полились горькія слезы... Подруги подъ стать затаили было грустную пѣсню, но гусляръ крѣпче ударилъ по струнамъ и бойкіе звуки разомъ измѣнили настроеніе гостей.

Началась пляска; всѣ должны были веселиться, чтобы день этотъ не былъ предвѣстникомъ дурной жизни для новобрачныхъ. Всю ночь на пролетъ плясали гости въ Миршовой хатѣ и на дворѣ; нѣкоторые, уставъ, отправлялись вздремнуть на крыльцо, а оправившись снова продолжали пить и плясать. Молодые же скрылись давно въ отдѣльное помѣщеніе, гдѣ имъ постлана была свадебная постель. Хмѣль все болѣе разбиралъ присутствующихъ — они и не думали расходиться.

Раннимъ утромъ, еще до восхода солнца, среди поля, вдали, показалась какая-то старая женщина. Она бѣжала изо всѣхъ силъ по направленію къ хатѣ пирующихъ; иногда она останавливалась, оглядывалась назадъ, поднимала вверхъ палку и кричала что-то ужасающимъ голосомъ. Смыслъ того, что она кричала разобрать было невозможно, частью за дальностью разстоянія, частью и потому, что въ избѣ такъ шумѣли, что и сами пирующіе едва понимали другъ друга.

Женщина все скорѣе бѣжала. Наконецъ, узнали ее: это была Яруха.

— Что съ ней?—воскликнулъ старикъ Миршъ:—бѣжить, словно рехнувшаяся...

— Она всегда такъ!—смѣялись другіе:—любитъ пиво, а хмѣль и распоряжается съ нею по своему... Она, чего добраго, и плясать пойдетъ...

Яруха, между тѣмъ, добѣжавъ до гостей, столпившихся въ кучу, измѣненнымъ отъ ужаса голосомъ крикнула:

— Спасайтесь! Бѣгите отсюда!.. Ъдетъ, бѣжить ужасный драконъ! Поморцы идутъ! Враги недалеко... за мною слѣдомъ... Всѣ слышали эти слова, но никто не хотѣлъ имъ вѣрить.

— Стонетъ земля, туманъ идетъ, клубы дыма... Бѣгите, спасайтесь, кому жизнь дорога!.. Люди, спасайтесь!.. Поморцы идутъ!..

При этихъ словахъ Яруха подняла вверхъ обѣ руки и вскрикнувъ, безъ чувствъ повалилась на землю.

Старый Миршъ посмотрѣлъ въ синюю даль и, войдя въ избу, закричалъ:

— На коня, всѣ на коня, кто жизнью дорожитъ!—Яруха только что прибѣжала съ извѣстіемъ, что поморцы идутъ на насъ! Быть можетъ, старуха съума сошла, быть можетъ стадо овецъ она приняла за поморцевъ! Пусть кто нибудь съѣздитъ, посмотреть. Пыль столбами несется вдали — это вѣрно!

Плясавшіе остановились какъ вкопанные—извѣстіе всѣхъ поразило. Оно произвело такое же дѣйствіе, какое производитъ коршунъ на птицъ, когда повиснетъ надъ ними. Болѣе горячіе головы однако не хотѣли сразу повѣрить. Мужчины бросились къ дверямъ, дѣвицы и женщины въ сосѣднюю хату. Въмѣсто пѣсенъ слышались вопли и плачъ.

На шумъ прибѣжалъ Доманъ, держа за руку Милю, перепуганную и плачущую. Закрывшись руками, она причитала:

— Ой, судьба—горькая ты моя судьбина!

На дворѣ всѣ какъ шальные бѣгали и кричали:

— Нѣмцы!—Кашубы!—Враги!

Мужчины кинулись на лугъ, къ лошадямъ. Этой ничтожной горсти о защитѣ и думать не приходилось; волей - неволей оставалось заботиться лишь о томъ, какъ бы спастись хоть бѣгствомъ.

Молодой парень, которому первому удалось поймать лошадь, вскочивъ на нее, поскакалъ къ ближайшему холму... Отсюда онъ увидѣлъ невдалекѣ столбы пыли, услышалъ топотъ, бряцаніе оружія и сейчасъ же вернулся, крича что есть мочи:

— Идутъ! Идутъ!

Всѣ рѣшительно растерялись. У нихъ не было достаточно времени для того даже, чтобы сообразить нельзя ли гдѣ нибудь спрятаться — на островъ развѣ, на Ледницу?.. Но и здѣсь помѣха! Ни одной лодки! Тѣ, которыя по обыкновенію должны бы находиться у берега всѣ уже были разобраны и въ эту минуту усиленно плыли отъ берега!

Доманъ побѣжалъ за своимъ бѣлымъ конемъ, стоявшимъ въ сараѣ. Миля слѣдовала за мужемъ, ломая въ отчаянны руки.

Не думая какая судьба постигнет другихъ, Доманъ схватилъ жену и съ нею вскочилъ на коня; на мгновенье остановившись предъ хижиною, онъ крикнулъ своимъ:

— За мною, друзья! и поскакалъ въ сопровожденіи догонявшей его дружины.

У стараго Мирша была большая яма въ землѣ, входъ въ которую былъ извѣстенъ ему одному. Онъ не хотѣлъ чтобы всѣ узнали объ этомъ, а потому, замѣтивъ что Доманъ съ женой усакалъ—старикъ сдѣлалъ рукою знакъ своему сыну, чтобы тотъ оставался. Вскорѣ оба отошли къ сторонѣ сарая и мгновенно исчезли. Не первый разъ приходилось старику прятаться отъ толпы дикихъ наѣздниковъ.

Но вотъ топотъ и крики слышались ближе. Несмѣтная толпа камбузовъ и поморцевъ стремилась къ озеру съ ужасною быстротой, окруженная цѣлымъ облакомъ пыли. Иногда среди облака мелькали головы и блестящія копы.

Яруха все еще лежала на землѣ, точно мертвая. Хижина, гдѣ за нѣсколько времени передъ тѣмъ шумно пировали гости, стояла теперь мрачная и пустая. Коровай лежалъ на столѣ, бочки пива и меда виднѣлись въ разныхъ мѣстахъ. На дворѣ ни одной живой души — однѣ собаки, бѣгая по двору, безтолково лаяли.

Тѣ изъ гостей Мирша, которымъ посчастливилось захватить лошади—сломя голову скакали вдоль очера; другіе дожидались врага, чтобы лишь съ его появленіемъ броситься въ воду, думая тѣмъ сохранить свои силы и уйти отъ смертельной опасности.

Всюду царило гробовое молчаніе.

Старшія женщины, собравшись вмѣстѣ, стояли надъ озеромъ. Вдали мелькали — уходящая дружина Домана и бѣлое платье Мили, раздуваемое вѣтромъ. Уходящихъ изобличалъ столбъ пыли: его легко было видѣть отъ Миршовой хижины.

Непріятель, примѣтивъ бѣгущихъ, съ дикимъ крикомъ пустился за ними въ погоню. Часть его окружила хижину, захватывая все, что въ ней осталось. Собаки—единственные сторожа, лежали убитыми близъ воротъ.

Стоявшіе надъ водою побросались въ нее и попрятались въ камышахъ. Поморцы пускали въ нихъ стрѣлы, слышались крики, — наконецъ, все исчезло въ высокой травѣ.

Между тѣмъ, наѣздники не теряли время: они растаскивали хозяйское добро Мирша, подарки Мили, ея приданное. Такъ какъ горшковъ съ собой унести неудобно было, то ихъ принялись колотить. Насколько взоръ только могъ окинуть — повсюду враги. Особенно выдѣлялись межъ ними два молодыхъ всадника, по всему видно—начальники дикой орды. По одеждѣ судя ихъ можно было принять за нѣмцевъ, да и нѣмцы же ихъ окружали. Они соскочили съ лошадей и вошли въ избу. Толпа покорно раздвигалась передъ ними.

Оба начальника, свѣтлорусые, черноглазые, походили одинъ на дру-

гаго, словно родные братья. Неудивительно—они ими действительно были. Сыновья Пепелка снова собрали дружину и шли войной,—отомстить кметамъ за смерть отца и первую неудачу. За ними на толстой веревкѣ тащили сѣдоволосаго старика, съ поломанными гуслями въ рукахъ. Старика гдѣ-то на дорогѣ поймали, а нѣмцы терпѣть не могли этихъ слѣпыхъ пѣвцовъ за то, что пѣли они про старое, доброе время. Гусляръ молчалъ, опустивъ на грудь голову, не жалуясь, не оглядываясь даже на тѣхъ, которые били его и смѣялись надъ беззащитнымъ.

На скамьѣ, на которой такъ недавно еще сидѣла невѣста, усѣлись молодые князья. Тѣмъ временемъ спутники ихъ доканчивали осмотръ хижины, вынося все, что хоть какую цѣну имѣло. Старшины принялись за пиво и медъ, за найденные мясо и хлѣбъ.

Старикъ гусляръ упалъ у порога, но его силой втащили въ избу. Мужчина высокаго роста, весь покрытый желѣзомъ, съ побѣлѣвшимъ отъ злости лицомъ и черной, густой бородою, подошелъ къ старику, сильно ударивъ его по спинѣ. Всѣмъ хотѣлось вывѣдать кое-что о богатомъ храмѣ, о спря- танныхъ въ немъ сокровищахъ. Старику угрожали, что если онъ будетъ молчать, то его тутъ же повѣсятъ—и все таки ничего не добились.

— Вѣшайте!—повторялъ старикъ.

Поморцы хотѣли узнать сколько людей на островѣ, какъ удобнѣе про- браться къ храму.

— Птицею долетѣть, рыбою доплыть,—отвѣчалъ старикъ, не пугаясь угрозъ.

Его спрашивали, гдѣ въ окрестности живутъ богатые кметы, гдѣ самыя лучшія стада; но старикъ только кряхтѣлъ и не отвѣчалъ, развѣ словомъ презрѣнія. Тогда его начали бить плетми. Старикъ смѣлся и пѣлъ въ то же время, но такимъ страшнымъ голосомъ, что даже у жесто- кихъ поморцевъ холодъ пробѣжалъ по спинѣ.

— Ой судьба, горькая наша судьба!—пѣлъ старикъ.—Веселье и мо- гила! Готовили свадьбу — наготовили похороны! Ой судьба! Бейте, бейте скорѣй, пусть душа тѣло покинетъ, скорѣй, наболѣлась она ужъ вдоволь! О Лада! Купала! Помогите ей выйти изъ тѣла!

Казалось старикъ не чувствовалъ больше ударовъ; онъ приползъ къ ведру съ водою, и наклонивъ его ко рту, съ жадностью пилъ. Одинъ изъ мучителей было поднялъ мечъ, но рука его, дрогнувши, опустилась.

Время отъ времени въ хижину приводили людей, пойманныхъ у берега, плачущихъ, связанныхъ. Старшины, окружавшіе молодыхъ князей, совѣщались, что имъ теперь надлежитъ предпринять. Прежде всего предлагали они отдохнуть. О Ледницѣ нечего было и думать, такъ какъ переправиться на островъ не совсѣмъ-то легко, да притомъ же имъ нечего не извѣстно о ко- личествѣ воиновъ, защищающихъ храмъ.

На дворѣ раздался веселые крики:

— Ведутъ ихъ! Ведутъ!

Толпа поморцевъ, уступившаяся въ погоню за Доманомъ, вела его за

Доманъ сидѣлъ на постели. Старуха внимательно всмотрѣлась въ его лицо.
(стр. 296).

собою. Доманъ былъ раненъ: онъ сидѣлъ верхомъ, со связанными руками, а передъ нимъ на лошади лежало тѣло молодой жены, въ которомъ торчалъ мечъ, изъ подъ котораго кровь просачивалась по каплямъ. Лицо у нея было блѣдное—жизнь ее навсегда покинула. Доманъ зубами придерживалъ ее за рубаху, такъ какъ руками владѣть не могъ. Весь въ крови, во многихъ мѣстахъ изрубленный, Доманъ сохранялъ видъ, какъ будто не чувствовалъ боли.

Его сейчасъ же стащили на землю, но онъ, разорвавъ связывавшія его веревки, пытался уйти, захвативъ трупъ своей молодой жены. Попробывали отнять у него тѣло Мили, но онъ такъ крѣпко въ него вцѣпился, что сдѣлать это не представлялось возможности. Доманъ, впрочемъ, сейчасъ же упалъ, вмѣстѣ съ трупомъ, на землю.

По лицу и одеждѣ плѣнника дикари безъ труда догадались, что передъ ними богатый владыка. Къ нему вышли изъ хижины сыновья Хвостека, въ сопровожденіи нѣмцевъ и всѣ обступили раненаго.

Одинъ изъ князей наклонился надъ Доманомъ и, угрожая ему кулакомъ, крикнулъ:

— Собачье отродье! Когда разоряли нашъ замокъ, когда убивали нашихъ—ты конечно былъ тамъ, а можетъ быть и начальствовалъ надъ этою сволочью!

Отъ Домана требовали, чтобъ онъ объяснилъ, кто стоялъ тогда во главѣ кметовъ, кто возбуждалъ ихъ къ возстанію? Въ противномъ случаѣ ему угрожали смертью.

Доманъ однако упорно молчалъ и безпрестанно взглядывалъ на жену, трупъ которой покоился рядомъ съ нимъ. Домана били, толкали,—онъ все оставлялъ безъ вниманія. Нѣмцамъ непремѣнно хотѣлось хоть что-либо узнать отъ него; они ни минуты не давали ему покою. Легко можетъ быть, что они боялись вторичнаго на нихъ нападенія. Но несчастный, горемъ убитый мужъ, видимо не желалъ проронить ни единого слова.

— Мы ваши князья! крикнулъ младшій Хвостековъ сынъ.

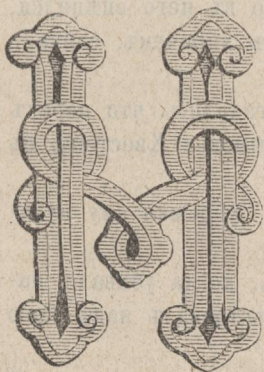
Только теперь поднялъ голову Доманъ и окинулъ дерзкаго презрительнымъ взглядомъ.

— Изъ вашего рода ни одинъ никогда надъ нами княжить не будетъ!—сказалъ онъ.—Этого вы никогда не дождетесь! Вы наши враги, вы разбойники, не вамъ властвовать, подлое, змѣиное племя!

Доманъ снова умолкъ послѣ этихъ словъ. Его велѣли прочь увести и отошли отъ него. Долго нѣмцы издѣвались надъ нимъ, били его, потѣшались—онъ все терпѣливо сносилъ. Наконецъ, его снова связали и потащили на берегъ, гдѣ лежали другіе.

Доманъ упалъ подъ Миршвою вербой. Руки у него были связаны, ноги свободны.

Вечеромъ трупъ убитой Мили лежалъ одинъ надъ водою. Доманъ тихонько приползъ къ водѣ; когда часовые уснули, онъ бросился въ озеро и исчезъ.

Глава XXX.

а островѣ, у воды, толпился народъ и глядѣлъ на другой берегъ, въ молчаніи къ чему-то прислушиваясь.

Съ другого берега вѣтеръ приносилъ дымъ и крики, раздиравшіе душу. Это доказывало, что дома и селенья въ огнѣ, люди гибнутъ... Иногда на водѣ показывались трупы, подплывавшіе къ острову, какъ бы моли предать ихъ землѣ...

Вечерѣло... Вдали разстилался туманъ, перемѣшанный съ гарью.

Храмъ былъ пустъ, весь народъ собрался у берега. Тутъ же былъ и старый Визунъ, съ сѣдовласой Наной и Дивой, съ истомленнымъ, блѣднымъ лицомъ; у священнаго огня осталась одна только женщина. Всѣ молчали. У всѣхъ на умѣ былъ одинъ лишь вопросъ: нападутъ ли поморцы? Бросить ли все и бѣжать, или остаться, пожертвовавъ жизнью? Никто не рѣшался однако высказать вслухъ то, что внутренно его волновало. До сихъ поръ никто никогда не осмѣлился нападать не только на храмъ, даже на островъ. Не разъ видны были огни и слышались дикіе возгласы на томъ берегу бушевавшаго непріятеля — все же врагъ уходилъ назадъ, несмотря на то, что сокровища храма представлялись ему сильно заманчивыми.

Здѣсь было много народа, которымъ легко овладѣть; защитниковъ среди нихъ слишкомъ бы мало нашлось. Преобладающимъ населеніемъ являлись здѣсь женщины, дѣти и старики. Пожалуй, въ храмѣ оружія было достаточно, — но гдѣ взять рукъ настолько умѣлыхъ, чтобъ имъ владѣть? Всѣ слишкомъ слабы!

Общее вниманіе сосредоточивалось на Визунѣ, который стоялъ на пригоркѣ, смотрѣлъ и молчалъ. По выраженію его лица желали прочесть — о чемъ думалъ старикъ; но лицо его было точно застывшее. Ни одна морщинка не дрогнула, губы не шевелились, онъ даже не моргнулъ ни разу глазами.

Хотя на дворѣ было ужъ такъ темно, что даже вблизи съ трудомъ

различались предметы, народъ однако не расходился. Всѣ продолжали стоять, словно ждали чего. Вдругъ на водѣ послышался плескъ.

Рыба ли, человѣкъ ли? темнота не позволяла разглядѣть хорошенько. Что-то свѣтлое поднялось изъ воды и исчезло. Человѣкъ, выбившійся изъ силъ, плылъ къ берегу. Визунъ сошелъ съ пригорка, на которомъ стоялъ, и подступилъ къ водѣ... Его глаза теперь только стали пристально всматриваться въ воду, какъ бы желая что-то увидѣть.

Надъ поверхностью воды показалась человѣческая голова, покрытая длинными волосами... Человѣкъ все ближе и ближе подплывалъ къ берегу... Еще минута—онъ очутился бы внѣ опасности, но силы его оставили.

Замѣтивъ это Визунъ вошелъ въ воду и до тѣхъ поръ въ ней оставался, пока утопавшему, въ предсмертномъ усилии, не удалось, наконецъ, уцѣпиться за руку ему протянутую.

Тогда старикъ быстро вытащилъ несчастнаго на берегъ, но безъ признаковъ жизни: совсѣмъ обезсилѣвъ, бѣдняга лишился чувствъ. Прибѣжавшіе слуги помогли уложить его поудобнѣе... Визунъ наклонился надъ нимъ и вдругъ вскрикнулъ:

— Доманъ! дитя мое! живъ ли ты?..

Доманъ лежалъ недвижно, съ еле замѣтнымъ дыханіемъ, весь облитый кровью... На зовъ Визуна онъ открылъ глаза, но сейчасъ же ихъ снова закрылъ...

Дива, слышавшая какъ Визунъ произнесъ имя Домана, подошла къ нему. Визунъ велѣлъ ей подать больному напитокъ.

Кто какъ умѣлъ началъ приводить въ чувство Домана. Наня отпиралась приготовить напитокъ, который бы могъ вернуть умирающему уходящую отъ него жизнь.

Наконецъ, вслѣдствіе общихъ усилій, онъ понемногу пришелъ въ себя. Дива стала возлѣ него на колѣни и собственными руками подала ему напитокъ. Явилась и Наня—во Доманъ, едва на мгновенье открывалъ онъ глаза, какъ вѣки опускались сами собою.

Домана отнесли въ хижину Визуна. Старикъ велѣлъ уложить его на своей постели, и самъ усѣлся возлѣ него. Онъ собственными руками перевязалъ ему раны. Въ храмѣ всегда было много различныхъ травъ для больныхъ. Визунъ надѣялся, что съумѣетъ вернуть къ жизни бывшего своего воспитанника, который уснулъ крѣпкимъ сномъ и такъ проспалъ до утра.

Визунъ, убѣдившись, что Доманъ спитъ и что первый моментъ опасности миновалъ, отправился снова къ озеру. Поморцы были чрезвычайно смѣлы и ловки—легко было предположить, что найдутся межъ ними охотники устроить ночное нападеніе на храмъ.

Такъ цѣлую ночь никто и не трогался съ мѣста. Уже разсвѣтало, когда Визунъ увидѣлъ какое-то черное пятно на поверхности озера... Пятно это тихо двигалось къ острову. Солнце взошло... Пятно превратилось въ лодку и все приближалось... Визунъ видѣлъ теперь, что въ этой крошечной лодкѣ сидѣла какая-то женщина... Знать, дремота одолѣла ея

изнуренное тѣло: лодка подолгу иногда кружилась на одномъ мѣстѣ, и только лишь при благоприятномъ вѣтрѣ плыла къ острову... Сидящая въ ней женщина не просыпалась... Наконецъ, лодка ударилась о берегъ и закачалась; старуха проснулась, протерла глаза и, взявъ палку, бывшую съ нею, вышла на берегъ, но здѣсь, послѣ первыхъ шаговъ, упала на землю.

То была злосчастная Яруха, которую поморцы потому не убили, что сочли ее вѣдьмой и боялись даже дотронуться до нея. Ночью ей удалось найти кѣмъ-то забытую въ камышахъ лодку, она сѣла въ нее, оттолкнулась отъ берега и по волѣ стихій добралась до острова.

Старуха скоро пришла въ себя и, замѣтивъ стоявшаго надъ нею Визуна, котораго видала не разъ, обратилась къ нему со словами:

— Живя, богиня моя, избавила меня отъ смерти. Марена ужъ хватилла меня за горло, желая тащить меня въ яму... но Живя, добрая матушка, покрыла старуху своимъ платкомъ... и вотъ цѣлы остались старья мои кости.

— Много людей погибло?—спросилъ Визунъ.

— Много ли? Да столько, сколько ихъ было тамъ... Всѣ погибли... Я видѣла трупъ той, которая еще вчера была дѣвушкой, а помирать привелось замужней... Мечъ вонзили ей въ грудь... Погибъ женихъ, погибли молодцы, всѣ погибли, даже собакъ убили.

Старуха затрясла головою.

— Хижинны сожгли?

— Все разрушили, все обратили въ пепелъ... Вороны на пиръ слетѣлись, а люди плачутъ...—старуха вздохнула.

— Ушли?—спросилъ Визунъ.

Старуха сразу не могла дать отвѣта; она не помнила, что вчера случилось.

— Я лежала на землѣ мертвая, когда Живя покрыла меня своимъ платкомъ... я не слышала и не видѣла ничего. Долго вокругъ меня ходили, кричали, ногами меня топтали. Да... что жъ дальше?.. Вспомнила — когда начало разсвѣтать, что-то ихъ напугало... Русалки вышли изъ озера, вѣтеръ поднялся сильный и гналъ ихъ прочь... Онѣ съ крикомъ ушли, а трупы остались на берегу... О! трупы бѣлѣютъ, точно весенній цвѣтъ на лугу... Ушли, вѣтъ ихъ болѣе, но не вернутся ли снова?..

Визунъ вздохнулъ свободнѣе; только довѣрять ли старухѣ, у которой видимо голова не на мѣстѣ?..

Чѣмъ больше ее спрашивали, тѣмъ запутаннѣе она давала отвѣты... Наконецъ, Яруха устала болтать, сѣла подъ деревомъ и уснула.

Между тѣмъ, у берега показалась новая лодка.. Изъ нея вышелъ старикъ, простоявшій всю ночь—до утра въ камышахъ и тогда лишь нашедшій возможность безопасно переѣхать на островъ...

Онъ рассказывалъ, что поморцы, уничтоживъ огнемъ и мечемъ все встрѣчавшееся имъ на пути, получили откуда-то ночью извѣстie, которое ихъ до того напугало, что они сейчасъ же торопливо вернулись въ свои дѣса.

Кромѣ того старикъ, утверждалъ, что у нихъ было намѣреніе, по связаннымъ лодкамъ пробраться на Ледницу и что—если оно не осуществилось, то единственно вслѣдствіе неожиданнаго для всѣхъ ночного бѣгства; что непріятель, дѣйствительно, кромѣ труповъ и цѣлыхъ грудъ пепла, ничего послѣ себя не оставилъ.

Нѣсколько успокоенный этими подробностями, Визунъ пошелъ въ храмъ, а оттуда направился къ своему больному. Доманъ спалъ еще. Старикъ приготовилъ завтракъ и сѣлъ у постели больного, сталъ дожидаться пока тотъ самъ не проснется. По временамъ онъ прикладывалъ руку ко лбу и къ груди Домана: лобъ горѣлъ, сердце съ силою билось въ груди. Раны слегка затянулись, кровь не сочилась болѣе.

Только въ полдень проснулся Доманъ; онъ было хотѣлъ приподняться, но сейчасъ же въ безсиліи опустился на изголовье. Со сна онъ долго не могъ сообразить, что съ нимъ произошло и гдѣ онъ теперь находится. Визунъ заставилъ его подкрѣпить себя пищею и лишь тогда разрѣшилъ говорить.

Какъ въ туманѣ мелькали предъ Доманомъ всѣ событія: свадьба, нападеніе поморцевъ, бѣгство его съ женою, потомъ смерть Мили, наконецъ, плѣнъ и освобожденіе... Грустная повѣсть женитьбы была еще слишкомъ свѣжа—несчастный старательно обходилъ ее въ разговорѣ и Визунъ, казалось, его одобрялъ, говоря:

— Сперва болѣзнь выдохни изъ себя, а тамъ примемся за оружіе и проучимъ поморцевъ.

— Мы теперь точно пчелы безъ матери...—замѣтилъ Доманъ:—главы у насъ нѣтъ... Если такъ еще долго протянется, всѣмъ придется погибнуть! Ну, не хотятъ Лешковъ—пускай избираютъ другого!.. Боги вѣдь ясно сказали: покорнаго, бѣднаго...

На слѣдующій день Доману было не лучше. Жажда его томила, онъ безпрестанно впадалъ въ забытіе, кричалъ и метался.

Визунъ очень часто навѣдывался въ избу: посидить у постели, приготовить что нужно и снова уйтить. Дива два раза осторожно подкрадывалась къ жилищу больного, заглядывала въ щели, прислушивалась... Разъ даже тихонько открыла дверь, чтобы взглянуть на спящаго Домана. Видѣть его—стало ея потребностью; но пока въ ней еще боролись два чувства: зарождающаяся страсть и стыдливость дѣвушки...

На третій день Доманъ почувствовалъ облегченіе. Онъ сидѣлъ на постели. Дива болѣе не являлась. Когда вечеромъ пришла ея очередь нести ужинъ Визуну и больному, она долго не могли на это рѣшиться: ей слѣдалось страшно чего-то, хотя въ то же время такъ и тянуло увидѣть Домана. Старика не было дома, когда Дива вошла въ избу... Больной увидѣлъ въ окно, какъ она отошла отъ порога, замѣтивъ что Визуна нѣтъ.

— Дива! Дива!—крикнулъ Доманъ:—перевязала бы ты мнѣ рану; положила бы къ ней свѣжихъ листьевъ...

— Визунъ же всегда это дѣлаетъ?—отвѣтила Дива входя.

— У старика руки трясутся!—возразилъ Доманъ.

Дива не знала, что предпринять. Сомнѣнія ея разрѣшились приходомъ Визуна. Доманъ при немъ повторилъ свою просьбу.

— Перевяжи-жь ему рану! — повелительно крикнулъ старикъ. — Это вѣдь женское дѣло!

Дива повиновалась. Доманъ сидѣлъ на постели въ одной рубахѣ, и на раскрытой груди виднѣлся широкій рубецъ, тотъ самый, который когда-то нанесла ему Дива своей рукой. Дѣвушкѣ показалось, что Доманъ нарочно раскрылъ рубаху въ томъ мѣстѣ. Молча подошла она къ раненому, какъ слѣдуетъ наложила повязку, послѣ чего сейчасъ же вышла на дворъ и пустилась бѣжать къ храму. Визунъ пристально посмотрѣлъ на Домана. Оба они, казалось, вели нѣмой разговоръ.

— Дива тебя боится, — произнесъ, наконецъ, Визунъ: — а ты опять что-то сталъ на нее заглядываться...

— Я бы быть можетъ ее и забылъ, еслибъ волны меня сюда не прибили!—отвѣтилъ въ раздумьи Доманъ.

— Судьба!—вздыхнулъ Визунъ.

— Судьба!—повторилъ и Доманъ.

Оба умолкли. Старикъ безъ надобности началъ съ чѣмъ-то возиться въ углу, а въ сущности лишь для того, чтобы скрыть выраженіе лица.

На слѣдующій день Доманъ вышелъ на воздухъ и сѣлъ на крыльцѣ, но Дива не приходила. Доманъ рассчитывалъ, что, выздоровѣвъ окончательно, будетъ въ состояніи чрезъ нѣсколько дней уѣхать домой. Но онъ слишкомъ долго сидѣлъ на крыльцѣ; вѣтеръ былъ свѣжій, и ему опять сдѣлалось хуже. Старикъ уложилъ его снова въ постель. Между тѣмъ, заботясь о Доманѣ, онъ и самъ занемогъ: жаловался на ломоту во всѣхъ костяхъ. Въ тотъ день Дивѣ пришлось явиться ужъ къ двумъ больнымъ, чтобы за ними ухаживать. Она сейчасъ же припла и принялась молча за дѣло. Дива всѣми силами старалась не смотрѣть въ лицо Доману и избѣгать разговора съ нимъ. Доманъ былъ тоже сосредоточенъ. Только тогда, когда Дивѣ настало время уходить изъ избы, она помедлила у порога, долгимъ взглядомъ впилась въ Домана и быстро скрылась за дверью.

Яруха все еще расхаживала по острову. Она не могла пожаловаться на свою судьбу: съ ней часто совѣтовались, кормили ее и отдаривали подарками за снадобья. Ей всегда находилось дѣло, а не то—она хоть полъ подметала въ храмѣ. Любопытная, какъ вообще старухи; ей скоро стали знакомы всѣ закоулки острова.

Яруха, замѣтивъ, что Дива выходитъ изъ избы Визуна, въ которой она еще никогда не была, ей—старой вѣдунѣ—побывать еще не пришлось, подумала, что не мѣшаетъ исправить такую ошибку.

Яруха открыла дверь. Доманъ сидѣлъ на постели. Старуха внимательно всмотрѣлась въ его лицо. Доманъ не запрещалъ ей входить, она и вошла въ избу.

— О! о!—воскликнула она:—такъ вотъ кого я вижу? Да вѣдь это ты,

тотъ самый, кому я рану перевязала, женку убили котораго! А ужъ какъ же и жалъ ея; молодая была да веселая, какъ щегленокъ... У тебя ей, впрочемъ, было не такъ спокойно, какъ дома.

— Почему?

— Потому что вы, жупаны,—прихотливы, продолжала старуха:—у васъ всегда много женщинъ, и вы ихъ не умѣете уважать! Э! Да вѣдь это тебя-то Вишова дочь такъ уколола?—прибавила Яруха, смѣясь.—А теперь траву тебѣ носить.

Доманъ вздрогнулъ.

— Не ври, вѣдьма!—крикнулъ онъ.—Не вспоминай о прошедшемъ!

— Она здѣсь вѣдь царить, не смущаясь болтала старуха.—Умница—что говорить! Не хотѣлось ей мыть у тебя горшки, ей вѣдь удобнѣе руки сложивъ сидѣть у огня... Вишь, она кметова дочь, а для нихъ князя мало! Ручки бѣлыя, работать не могутъ; глазки черные, гордо глядятъ...

При этихъ словахъ она подошла къ Доману и смотрѣла въ его лицо, которое внезапно покрылось румянцемъ.

— А что жъ? Здѣсь-то на островѣ ты съ ней не поладилъ?—спросила она.

— Я ее рѣдко вижу,—съ напускнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ Доманъ.

Старуха призадумалась, а потомъ, ударяя палкою объ полъ, снова заговорила нараспѣвъ:

— А вѣдь это... судьба, что вода принесла тебя прямо къ ея ногамъ... Лучше бъ совсѣмъ съ нею-то не встрѣчаться... говорятъ вотъ, что будто зажившая рана снова начинаетъ болѣть, когда къ ней приближается тотъ, кто ее нанесъ... Потому, значитъ, неотомщенная кровь... а она бросается даже и изъ зажившей раны, коли виновникъ рядомъ стоитъ... А дѣвица, видно, тебя боится... едва ноги передвигаетъ...

Доманъ молчалъ. Старуха продолжала:

— Она тебѣ стала теперь противна, не такъ ли? Ну, отвѣчай! Со-знайся!.. Если жъ ты все объ ней думаешь... гмъ... тогда знай, что это мнѣ дѣло знакомое помогать въ такихъ случаяхъ... У меня, пожалуй, найдутся всякія зелья, средства... Заставила-бъ я ее тебя слушаться!.. Я вѣдь некая-нибудь обыкновенная женщина, я—вѣдунья!

Доманъ долго еще молчалъ, наконецъ спросилъ ее, какъ бы нехотя:

— А что жъ ты сдѣлаешь, если она дала клятву богамъ? Она никого не хочетъ...

Яруха захохотала.

— Э-ге-ге! Да развѣ первая она, что клятву дала? Мало ихъ развѣ, промѣнявшихъ священныи огонь на иной — свой, домашній? Захотѣла бы только—никто ей не запретить, лишь бы выкупъ внесла за себя! У Визуна и безъ нея женщинъ много.

Доманъ становился внимательнѣе...

— Ужъ я ее подговорю, приготовлю!..—проворчала старуха.

— Нѣтъ, не удастся тебѣ!..—съ грустью воскликнулъ Доманъ.

— Анъ удастся! Я таки кое-что знаю... По крайней мѣрѣ испробую...

— Я тебя на всю жизнь обезпечу,—обрадовался Доманъ:—у тебя будетъ хлѣбъ на старые зубы...

— Ну! У меня давно ужъ зубы повыпали, смѣялась Яруха—что мнѣ въ хлѣбѣ сухомъ? Не раскусишь! Мнѣ молочка подавай, да кусочекъ мяса... это лучше всего... Потомъ и веселенькаго чего нибудь выпить... Ну, само собой, не воды... Мнѣ вода не по вкусу...

— Я тебѣ дамъ всего, сказалъ Доманъ:—а въ добавокъ и шубу на зиму, только... не удастся тебѣ!..

Яруха подошла къ больному и морщинистой рукой начала гладить его по головѣ.

— Ты домой-то не торопись, если хочешь ее имѣть... Я кое-что знаю...

При этихъ словахъ она многозначительно взглянула въ лицо Доману, замурлыкала пѣсню и пошла изъ избы; прямо отъ Домана она отправилась въ храмъ.

Яруха, однако, въ него не вошла, а остановилась у входа, подняла уголъ занавѣса, посмотрѣла внутрь и сѣла на одномъ изъ камней. Она знала, что жрицы должны были проходить мимо нея за водою. Пользуясь временемъ, она собирала траву, росшую кругомъ въ изобиліи, связывала ее въ пучки и клала въ мѣшокъ.

Долго пришлось ей сидѣть, пока, наконецъ, одна изъ жрицъ, проходившая мимо, не объясняла ей, что Наня приказала Дивѣ собирать въ садикѣ травы и разное зелье, которое употреблялось для храма. Яруха, выслушавъ сказанное, побрела въ садикъ, бывший по ту сторону храма.

Это было крошечное мѣстечко, окруженное съ четырехъ сторонъ небольшою изгородью. Старыя вербы, нѣсколько ольхъ, да посрединѣ двѣ-три грядки растений—вотъ и все, что заключалъ въ себѣ садикъ.

Дива, собравъ что ей было нужно, сидѣла задумавшись и неторопливо вязала траву въ пучки. Яруха, увидѣвъ ее, остановилась.

— Дочь моя, я готова тебѣ помочь...

Дѣвушка, равнодушно взглянувъ на нее, не отвѣчала на предложеніе. Не смущаясь пріемомъ, старуха вошла таки въ садикъ, опустилась возлѣ Дивы на землю и, не спрашивая уже разрѣшенія, начала помогать ей въ работѣ очень скоро и ловко.

Долго она молчала; затѣмъ принялась бормотать словно бы про себя:

— Что бы я, да долго высидѣла на Ледницѣ, ну ужъ нѣтъ!.. Тѣснота, духота здѣсь ужасная, жизнь-то тннется, словно въ клѣткѣ!..

Дива продолжала молчать.

— По цѣлымъ днямъ жариться у огня!.. Да, эдакъ дымъ всѣ глаза выѣстъ!.. Жаль мнѣ твоей красоты...—обратилась Яруха къ дѣвушкѣ.—Ты здѣсь совсѣмъ изведешься, красавица... Я вѣдь все знаю, все понимаю... я по глазамъ вижу, что въ человѣкѣ-то происходитъ!.. Да!..

Дива вспыхнула и покосилась на собесѣдницу боязливымъ взглядомъ.

— Что же ты видишь во мнѣ? что?—рѣшилась она произнести.

— Ой, что я вижу!..—заговорила старуха. — Вижу... начинается что-то, завязывается... трава — и та из земли поднявшись — скоро растеть... Не даромъ судьба вторично толкнула Домана на островъ... Суженаго ко-немъ не объѣдешь!..

Дива, желая скрыть овладѣвшее ею смущеніе, сдѣлала видъ, будто приводитъ травы въ порядокъ. Старухѣ-то было ясно, что травы тутъ собственно не причемъ. Она и сказала, обращаясь къ взволнованной дѣвушкѣ:

— Слыхала-ль ты сказку о красавицѣ королевнѣ?

И не дожидаясь отвѣта, начала она монотоннымъ голосомъ:

— Жила была нѣкогда красавица королевна, одна дочь у богатаго короля, который любилъ ее пуще жизни. Чтобы ни вздумалось—у ней все было... Птичьего молока и того доставали... Наконецъ, красавица стала взрослою дѣвицею; тогда отецъ ей и говоритъ: «Пора тебѣ доченька замужъ идти», а королевна въ отвѣтъ: «Я согласна, да чтобъ былъ мой суженый и умнѣй и ловчѣй меня, да и крѣпко чтобъ мнѣ полюбился.

Вотъ прибили на королевскомъ замкѣ колесо золотое; стали въ замокъ съѣзжаться женихи, что ни на есть со всѣхъ концовъ бѣлаго свѣта... Были тутъ королевичи, были князья, жупаны, кметы—все народъ изъ себя молодой да красивый... Только нѣтъ!.. Заартачилась дѣвица и слышать о нихъ не хочетъ! Видно больно ужъ ей полюбилась свобода дѣвичья!..

Все-то она гуляетъ по садику, собираетъ цвѣточки, да любимыя пѣсенки попѣваетъ; а начнутъ ей про жениховъ говорить — разсмѣется! Никого, молвить, я и знать не хочу! Никого!..

Такъ-то долго издѣвалась она надо всѣми. Одному приказала достать ей живой воды, той воды, что стерегъ семиглавый драконъ. Другому поручила принести золотое яблочко, росшее за горой ледяной. Третій долженъ былъ нанизать на шнурокъ звѣзды небесныя и составить изъ нихъ ожерелье. Всѣ поѣхали исполнять королевнину прихоть, но назадъ никто не вернулся. Перваго проглотилъ драконъ. Второй провалился въ прорубь во льду и былъ съѣденъ рыбами. Третьяго растерзали коршуны.

Наконецъ пріѣхалъ свататься королевичъ Сила, обладавшій могуществомъ волшебства. Увидалъ онъ красавицу, закипѣла въ немъ молодецкая кровь и поклялся онъ—или жизни лишиться, иль добыть себѣ королевну въ жены!

А она, лишь взглянула на новаго жениха, задрожала всѣмъ тѣломъ, заплакала и сейчасъ же велѣла ему отправляться за синее море, принести оттуда чудодѣйку—траву, воскрешавшую мертвыхъ. Знала, хитрая, что къ травѣ той подступу нѣтъ инаго, какъ сквозь страшное пламя, противъ котораго и вода безсильна.

Королевичъ-то, не будь глупъ, обернулся птицею, синее море перелетѣлъ, турманомъ надъ огнемъ взвился, захватилъ клювомъ вѣточку и принесъ ее злой красавицѣ. Тутъ случись, какъ нарочно, умираетъ сынъ короля... Плачутъ всѣ, убиваются... Королевичъ тогда приложилъ траву къ сердцу мертваго и—покойникъ вскочилъ какъ встрепанный.

— Бѣсть хочу—я отлично спалъ! закричалъ королевскій сынъ, протирая глаза.

А король отъ восторга кинулся жениху на шею и сказалъ своей дочери:

— Ну, теперь ужъ все кончено, ты должна быть его женою!

Залилась королевна слезами горячими.

— Дѣлать нечего—отвѣчала она:—приказалъ отецъ, надо слушаться...
Одного лишь прошу: дайте мнѣ семь разъ хорошенько спрятаться, а женихъ пускай ищетъ... Коль найдетъ, я противиться больше не стану.

Къ слову молвить, — красавица хоть и вѣдьмой слыла, умѣла и себя и другихъ превращать во что бы ни вздумалось, да королевичъ былъ хитре ея!

На слѣдующій день королевна, изъ окна своего, вылетѣла на дворъ голубкою и летала по немъ вмѣстѣ съ прочими птицами... Эти, впрочемъ, вѣрно почувствовали чуждый въ ней духъ: каждый разъ, какъ она приближалась къ нимъ, всѣ разлетались сразу и она оставалась одна. Королевичъ, прикинувшись ястребомъ, погнался за ней... Она испугалась, спустилась на землю и превратилась въ дѣвицу... Смотрить, а тутъ же рядомъ стоитъ красавецъ—женихъ и беретъ ее за руку...

Опечалившись, затворилась королевна въ своей свѣтлицѣ, горько плакала и всю ночь напролетъ продумала, что ей дѣлать теперь?..

Раннимъ утромъ красавица вышла въ садъ, сѣла на грядкѣ и сдѣлалась лиліею... Вокругъ нея всѣ другія лиліи бѣлы какъ снѣгъ, она одна только,—кровь въ ней просвѣчивала—вся покраснѣла.

Женихъ съ королемъ также пробрались въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ... Королевичъ горюетъ, не зная гдѣ и какъ онъ отыщетъ свою красавицу...

Случайно оба остановились у грядки, гдѣ цвѣли, дыша ароматомъ, лиліи; странно имъ показалось: всѣ цвѣты бѣлые—одинъ только розовой!..

Королевичъ сейчасъ же понялъ причину, приложилъ руку къ стеблю—а тутъ стоитъ дѣвица и плачетъ.

— Узналъ ты меня два раза, третій разъ не узнаешь!

И бѣжить красавица снова въ свѣтлицу, садится на коврикъ и плачетъ, плачетъ такъ, что слезы ручьемъ текутъ. Думала крѣпко она всю ночь... На утро открыла окошко и блестящею мушкой помчалась въ синюю даль.

Долго летала она по воздуху, только страхъ ее сталъ разбирать. Птицы ловко глотаютъ мушекъ; вотъ-вотъ иная такъ и наровитъ поймать ее своимъ клювомъ... Королевичъ—удалось ли ему подсмотрѣть, или ему шепнулъ кто нибудь—превратился въ огромнаго паука, растянулъ по воздуху паутину—и выжидаетъ. Недолго спустя на нее натывается мушка, спасаясь отъ воровьевъ... Паукъ неуклюже карабкается и... королевна стоитъ и плачетъ.

Рядомъ съ ней паукъ—королевичъ держитъ ее за бѣлую ручку.

— О, я бѣдная! Узналъ ты меня три раза... Что теперь я начну?..

Попрежнему плачь и рыданья въ свѣтлицѣ. Сестры стучатся, входятъ и совѣтуютъ огорченной:

— Поплыви ты рыбкою по синему морю... Море широко и глубоко... Тамъ онъ тебя не найдетъ...

А она все плачетъ безъ устали.

— Узналъ онъ меня три раза, что же теперь-то я сдѣлаю, куда удачнѣе скроюсь?.. Въ водѣ чудовища есть... Я ихъ боюсь...

Однако, на слѣдующее утро красавица вышла къ морю; она не замѣтила, что женихъ притаился за деревомъ, выслѣживая ее.

Вотъ нырнула на дно золотая рыбка; слѣдомъ за ней мелькнула серебряная. Куда золотая ни кинется—серебряная рядомъ плыветъ... Толкнулись онѣ другъ о дружку. Королевна слышитъ слова:

— Четвертый разъ я тебя отыскалъ, судьба тебѣ быть моею!

Рыбка превратилась въ дѣвицу, бѣжитъ къ себѣ въ замокъ и снова горюетъ.

Эта ночь, какъ и прежнія, проходитъ безъ сна. Ужъ солнышко показалось на небѣ, когда королевнѣ въ голову пришла счастливая мысль. Много вѣдь камушковъ на морскомъ берегу... Кто жъ отличить ее среди нихъ когда превратится она въ бѣлый камень и незамѣтно уляжется на пескѣ? Тотчасъ побѣжала она на берегъ, гдѣ и осуществила то, что задумала.

Королевичъ ломалъ себѣ голову, стараясь узнать, что теперь придумала королевна? Ничего не добившись, онъ въ отчаяніи направился къ морю, желая покончить съ собой. Вдругъ нечаянно наступилъ онъ на камушекъ... А какой прелестный!.. Женихъ наклонился, чтобы взять въ руки находку, а передъ нимъ стоитъ королевна и... плачетъ.

— Нашелъ я тебя пятый разъ! въ безумномъ восторгѣ закричалъ королевичъ.—Ты должна быть моею!

— До семи еще далеко! Найдешь меня за седьмою горой, за седьмою рѣкою!

Не помня себя отъ гнѣва, дѣвица побѣжала домой и бросилась на полъ въ своей свѣтлицѣ... Горюетъ да плачетъ... Мимо нея пробѣжалъ мышенокъ. Замѣтивъ его, и не долго думая, она обернулась мышенкомъ, спрятавшись въ скважину. Сидя въ ней, красавица думала про себя:

— Вотъ теперь-то ужъ онъ меня не отыщетъ!

На бѣду ея на оваѣ сидѣлъ воробей и все видѣлъ. Онъ сейчасъ же порхнулъ къ королевичу, спустился къ нему на плечо и чирикнулъ:

— Дѣвица превратилась въ мышенка и въ ямочку—щелочку спряталась...

Королевичъ бурнымъ мурлыкою сталъ, сѣлъ и уставившись выжидаетъ.

Мышенку ѣсть захотѣлось; замѣтивъ крошки, лежавшія подъ столомъ, онъ задумалъ выйти изъ норки, но только лишь показался—громадный котъ тутъ какъ тутъ:

— А, вотъ гдѣ ты?!

Королевна перепугалась, боясь что ее проглотить; но котъ произнесъ человѣчьимъ голосомъ:

— Узналъ я тебя и въ шестой разъ... Моею навѣрное будешь. Королевна упала на полъ, рыдая.

— Охъ! я несчастная... горькая моя доля-долюшка... Что-то я стану съ нимъ дѣлать?

Вотъ въ седьмой-то разъ нужно было придумать ужъ что нибудь, да особенное. Сбиралися всѣ подружки съ сестрицами, долго думали, долго гадали... Ночь прошла, разсвѣло, а рѣшить ни на чемъ не рѣшили... Королевна заливается—плачетъ съ досады. Лучше ужъ сразу-то было за королевича замужъ идти, причитаешь она, чѣмъ семь разъ страмиться, а въ восьмой все равно во неволю попасть.

Просыпалось солнышко... Что-то будетъ, когда оно выглянетъ?.. Совѣщались сестрицы, наконецъ порѣшили: превратиться ей въ старую нищенку. безобразную, желтую и съ лицомъ какъ печеное яблоко—вотъ къ примѣру славно бы я, разсмѣялась расказщица.—Такъ и сдѣлали. Пошла красавица просить милостыню на большую дорогу, и ужъ такъ-то была увѣрена, что теперь никто ея не узнаетъ.

Долго ждать ей пришлось... Только видить—ѣдетъ король верхомъ... Что за старуха такая? Велѣлъ подать ей кофѣечку и дальше поѣхалъ. А королевна и думаетъ про себя: отецъ родной не узналъ—никто не узнаетъ!..

ѣдетъ братецъ ея родной, посмотрѣлъ на старуху, захохоталъ...

— Что за вѣдьма такая? Вотъ-то гадкая тварь... Гнать ее прочь съ дороги...

Поплелась королевна къ сторонкѣ, а сама въ душѣ-то и радуется: брать родной не узналъ и женихъ не узнаетъ...

Наконецъ, показался верхомъ на конѣ королевичъ-красавецъ... Вѣтеръ ласково треплетъ его золотистыя кудри... Онъ и видить—стоитъ передъ нимъ нищенка старая... Посмотримъ, покосился—бросилъ ей золотое кольцо.

Королевна, со страху, возьми да и перехитри: опасаясь чтобъ суженый да ея не призналъ, отступила назадъ и закрыла себѣ лицо тряпицею. Что за странность, подумалъ женихъ, надо-быть тутъ не просто... Подбѣжалъ онъ къ старухѣ, да въ глаза и заглянулъ... А глазъ-то она перемѣнить не умѣла... Свѣтятъ—искрятся точно два солнышка... Взялъ тогда королевну онъ на руки, посадилъ къ себѣ на лошадь.

— Вотъ и седьмой разъ отыскалъ я тебя, теперь отъ меня не отвертись...

Свадьба была богатая, и я тамъ была, медъ да пиво пила, — окончила свою сказку старуха.

— Такъ-то, —добавила она погодя;—суженаго конемъ не объѣдешь!

Выслушавъ сказку, Дива задумалась.

— Эдакъ-то, —заключила Яруха:—можетъ выйти и съ Доманомъ, напрасно его избѣгаешь! Въ расписанной хатѣ-то лучше жить, чѣмъ на островѣ здѣсь, на Ледницѣ...

До сыта наболтавшись, старуха крехтя поднялась съ мѣста и, ворча что-то подъ носъ, медленно ^{се}поплелась изъ ограды. Вѣдунья хорошо понимала, что брошенное въ землю зерно иногда подолгу лежитъ притаившись, прежде чѣмъ пустить ростки и созрѣть. А Дива долго еще неподвижно сидѣла, окруженная роемъ нахлынувшихъ думъ... Въ ухахъ, словно билъ въ наковальню кто молотомъ, раздавались слова:

— Суженаго конемъ не объѣдешь!..

